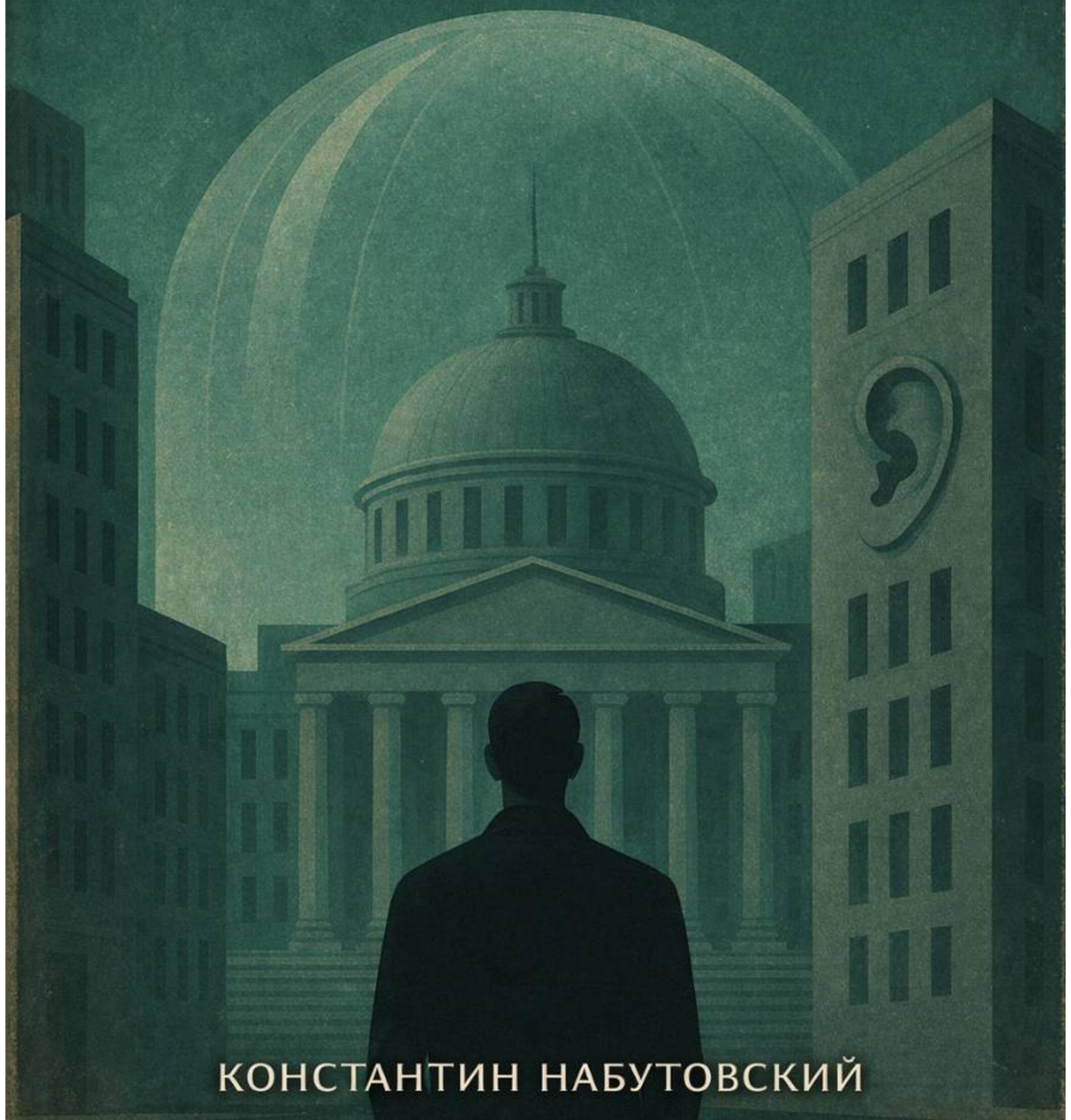

ВОСЬМОЕ МИНИСТЕРСТВО

КОНСТАНТИН НАБУТОВСКИЙ

Константин Набутовский
Восьмое министерство

«Автор»

2026

Набутовский К. А.

Восьмое министерство / К. А. Набутовский — «Автор», 2026

«Восьмое министерство» — это не утопия и не антиутопия. Это история о том, что происходит, когда Совесть становится законом. Сначала был город — совершенный, как формула. Под куполом, где небо всегда одинаковое, где каждый день выверен до секунды, а совесть стала частью системы. Здесь не бывает случайностей. Ошибки исправляются до того, как случатся, страдания лечатся заранее, а дыхание города регулируется кем-то. Но всякая гармония когда-нибудь даёт сбой. Иногда бывает достаточно одной чашки кофе, чтобы нарушить равновесие. И тогда город, привыкший отражать, впервые услышит не эхо — а голос. Живой. Настоящий...

© Набутовский К. А., 2026

© Автор, 2026

Константин Набутовский

Восьмое министерство

Пролог

Иннокентием меня назвала мама – в честь Смоктуновского.

В детстве я это имя ненавидел. Но с годами понял, что мама просто хотела дать мне шанс быть лучше, чем я был на самом деле. Она вообще считала, что актёр – это святая профессия. Почти. Хотела, чтобы я вырос таким же, как и её кумир: умным, благородным, с глазами, в которых целая драма. Показывала мне фильмы, где он говорил тихо, но так, что у всех замирало сердце и приговаривала:

– Вот, Кешенька, вот таким должен быть мужчина. Без суеты, без пошлости, с глубиной.

Папе, если честно, было до лампочки. Он только буркнул: «Ну пусть будет Кеша. Как попугай из мультика».

Я этого, конечно, не помню – мне тогда было часов пять от роду.

Мама потом рассказывала, что папа в тот момент стоял под окнами роддома, в руках – чемоданчик с инструментом, потому что только что с работы.

Работал он тогда на стройке, где шутки были короче, чем перекуры. На руках – мозоли, в голове – кредит на стиралку «Вятка автомат» и телек «Берёзка», в кармане – сто сорок рублей аванса. До Смоктуновского ему было так же далеко, как до Голливуда.

Поэтому он называл меня всегда только «Кеша». Просто слово «Иннокентий» звучало для него как диагноз. А вот «Кеша» – это по-домашнему. Понятно и проще звать с балкона:

– Кеша, домой! – а не «Иннокентий, изволь явиться к ужину».

Так и пошло: мама мечтала о сцене, папа – о нормальном пацане. В результате получился промежуточный вариант между актёром и попугаем. В хорошем смысле. А когда я вырос – стал журналистом. Не по зову сердца – просто писать умел лучше, чем копать, строить или воровать. Мама сказала, что это хоть и не подвиг, но уже поступок. Иногда мне казалось, что она хотела вырастить философа, а папа – нормального мужика, и где-то посередине застрял я – пытающийся соответствовать обоим и одновременно ни одному. Я и правда часто играл роли. Не потому, что хотел казаться лучше, а потому что так проще было не показывать, что внутри вечно что-то дрожит и сомневается.

От маминых мечтаний об актёре во мне осталась только привычка не выходить из роли, даже если роль – идиот с микрофоном.

Сначала писал про рыбалку и самогонные аппараты, потом – про взрывы, выборы и прочие природные катаклизмы. К тридцати понял: новости – это просто способ показать чужие глупости в красивом оформлении.

Редакция у нас называлась громко – «Национальный репортёр», но внутри всё напоминало старую коммуналку, где в каждой комнате своя религия. Отдел политики молился на инсайды, отдел культуры – на сплетни, отдел науки – на гранты, а отдел лайфстайла – на котиков и гороскопы. Самое шумное царство занимала рубрика «Происшествия»: там даже кофе варился со звуком сирены. Рядом сидели «экологи» – тихие фанатики, которые могли три дня спорить, из какого материала нужно делать многоразовый стакан для одноразового кофе. В углу, под плакатом «Пиши сердцем, проверяй мозгом», спал корреспондент по сельскому хозяйству – уже четвёртый год.

Мы вечно шумели, ругались, спорили, но именно это и было жизнью. Правда, внутри всегда оставалось ощущение, что я стою чуть в стороне – как будто между мной и остальными тонкое стекло. Я слышу их, вижу их, но не всегда с ними.

Наш главный редактор, Виктор Михайлович Рудаков, был человеком эпохи, когда газеты ещё пахли типографской краской, а не озоном ксероксов и лазерных принтеров. Он ходил в свитере с протёртой дыркой на локте и верил, что журналистика – это война, где все уже сдались.

Говорил коротко, как в телеграммах:

– Заголовок есть? Нет? Тогда нет и новости.

Но сколько бы я ни подкалывал его про себя, я уважал его до дрожи. Он был тем редким человеком, который ничего не требовал, но к которому хотелось хотя бы немного приблизиться. Может, поэтому я и рвался в командировки – подсознательно пытаюсь заслужить от него то самое «молодец», которое он почти никогда не произносил.

Виктор Михайлович мог часами смотреть на стену, где висела карта России, истыканная булавками с цветными шариками. Каждая булавка – тема. Каждый цвет – классифицированная головная боль. А на карте, казалось, всё меньше оставалось мест, куда ещё не ездил его любимчик Серов.

То есть я.

Что я из себя представляю? Да ничего особенного. Выше среднего роста, русые волосы и карие глаза. Красавцем уж точно меня не назовёшь. Внешность – самая обычная, из тех, кто легко растворяется в толпе. Разве что взгляд иногда выдает – слишком уж внимательно смотрю на людей, будто пытаюсь услышать не слова, а то, что между ними.

В общем, обычный парень с блокнотом и привычкой копаться там, где не просят.

В тот день я сидел в редакции, пил четвёртый кофе и ждал, пока интернет рухнет окончательно.

Рудаков выглянул из кабинета:

– Серов! Поехали в Сибирь.

– А конкретно куда?

– Туда, где никого нет. Сделаем цикл про мёртвые зоны, забытые города, советские Атлантиды...

– Атлантиды – это где тепло.

– А у тебя будет мороз, комары, уссурийские тигры и белые медведи.

Он бросил на стол папку: «*Проект ЭХО. Архив. 1983–1991*». На обложке – печать «*рас-секречено*».

– Там, говорят, был секретный полигон. После развала Союза – пропал. Ни на картах, ни в архивах. Ходят слухи, что там до сих пор живут люди. Проверь.

– И если живут?

– Возьми интервью. Если не живут – снимешь пейзажи и привезёшь мне ежевики. Но ежевика – при любом раскладе.

Я только обречённо вздохнул. Очередная командировка в никуда. Но что-то в словах «Пропал, ни на картах, ни в архивах» зацепило. Фраза уколола так, будто в ней был спрятан вызов лично мне. Ненавижу такие штуки – они заставляют идти туда, куда идти вовсе не хочется.

Короче, уже через неделю я стоял в аэропорту Красноярска. В кармане – служебное удостоверение, смартфон, блокнот и билет до Туруханска. В дорожной сумке помимо стандартного дорожного хлама – заветная папка, в которой на последнем, чистом листе была единственная надпись чернилами – размашистой рукой было выведено: «Если ты это читаешь – значит, время настало.»

Это был почерк деда.

Глава 1. Купол

Выписка из проекта «КУПОЛ»

Статус: *рассекречено частично*

Гриф: *«Совершенно секретно» (утратил силу)*

Дата начала работ: *12 марта 1983 года*

Руководитель: *д-р техн. наук Алексей Сергеевич Серов*

Объект: *закрытая автономная зона в пределах Красноярского края*

Кодовая категория: *Экспериментальная социально-технологическая модель*

Резюме проекта

Проект «КУПОЛ» представляет собой комплексную разработку по созданию замкнутой инфраструктурной системы – города нового технологического уклада с полным внутренним циклом жизнеобеспечения и ограниченным внешним взаимодействием.

Основная цель:

проверка возможности существования саморегулируемого общества без внешнего управления.

Для выполнения задачи выделена изолированная территория площадью около 800 кв.км. (ориентировочно – площадь крупного города).

Внутри зоны размещены:

- энергетический комплекс на базе малой АЭС;*
- исследовательские корпуса;*
- система связи и наблюдения;*
- город-спутник с плановой численностью населения до 200 000 человек;*
- генератор защитного поля (далее – «Купол»), обеспечивающий полное экранирование радиосигналов, теплового излучения и визуальных спутниковых наблюдений.*

Поле «Купола» создаёт эффект «молчания» – отсутствие любых отражений и сигналов извне. Согласно техническим отчётам, за пределами зоны наблюдается лишь искажённый фон, что делает её невидимой для систем глобального мониторинга.

Примечание к архиву:

После 1991 года проект был переведён в автономный режим.

Документы о его закрытии не найдены.

Сведения о местонахождении персонала и жителей отсутствуют.

Связи с территорией нет с 1993 года.

*После выхода объекта на автономный режим территория получила условное название **Город Эхо**.*

Дальше шло описание – сухое, но такое, от которого только мурашки по коже.

«Город Эхо – это не просто экспериментальный посёлок. Это законченная экосистема, рассчитанная на постоянное проживание населения численностью до двухсот тысяч человек. В состав зоны входят административный центр, жилые секторы, промышленные и научные кластеры, сельскохозяйственный контур, транспортная и энергетическая инфраструктура.

Энергетическая независимость обеспечивается малой атомной электростанцией замкнутого цикла. Внешняя подача энергии использовалась только на этапе строительства и ввода в эксплуатацию АЭС. После пуска генератора защитного поля («Купола») объект должен функционировать в полностью изолированном режиме.»

Дальше – цифры, схемы, всё как положено: среднегодовая температура, нормы радиации, климатическая стабилизация, система внутреннего водообмена.

Город под куполом жил своей жизнью, будто маленькое государство. Собственные фермы, заводы, учебные заведения, медицина, телевидение, – всё автономно, всё внутри.

Всё это я прочитал ещё в редакции – по диагонали, между кофе и ещё кофе.

Рудаков вызвал меня вечером, когда почти все уже разошлись, и в коридоре пахло смесью выдохшегося кондиционера, лавандового освежителя и остатков пиццы.

– Откуда это? – спросил я.

– Принесли, – сказал он, не поднимая глаз. – Старый приятель из министерства. Они там сейчас архив перетаскивают на новое место. Папку нашли на складе, в ящике с какими-то планами ГО. Говорит, хотел просто выбросить, но заинтересовался. Полистал – ничего не понял.

– А ты понял?

– Я понял, что здесь пахнет тем, чего не должно быть.

Рудаков пролистал пару страниц, потом замер, прищурился:

– Кеша, у тебя же дед в Сибири работал, так?

– Было, – кивнул я. – Геофизик. Экспедиции, какие-то изыскания. Потом пропал. Мама говорила – авария, но никто ничего точно не знал.

Редактор тихо хмыкнул, постучал ручкой по полям документа.

– Тут, в резюме проекта, есть фамилия. Серов Алексей Сергеевич. Доктор технических наук, руководитель работ. Очень похоже, что это он.

Мне хотелось сказать что-то умное, задать кучу вопросов, но в голове теперь звучало только одно гулкое: «Это он...». Дед, который, по словам мамы, «просто исчез».

Поэтому я только молча кивнул. Когда я увидел в папке на первом листе фамилию деда – мир вокруг словно треснул. У меня реально пересохло во рту. И на самом деле мне сейчас хотелось уйти. Просто выйти в коридор, вдохнуть запах старого кондиционера и забыть, что всё это существует. Редакция, командировка, вся эта рутина внезапно стали фоном. Дед... человек, которого я помнил смутно, но очень любил, боялся и... потерял. Что бы это ни было – это уже не про работу. Это про меня.

– Видишь, – Рудаков сделал вид, что не заметил моего состояния и продолжил, – всё сходится по годам. Экспедиция, девяносто первый, Красноярский край. Я проверил – никаких упоминаний больше. Ни приказа, ни отчёта. Будто проект просто исчез вместе с людьми.

Он взглянул на меня исподлобья:

– Вот поэтому я и решил, что заняться этим должен ты. У тебя, как ни крути, к этой истории своя ниточка. И если здесь правда был твой дед – а это так и есть, я просто уверен – то, возможно, ты единственный, кто сможет разобраться, что они там построили.

Он встал, подошёл к окну и тихо сказал:

– Не хочу, чтобы этим занимались какие-нибудь блогеры или фрики с ютуба, если информация просочится. Сделай материал нормально. Без сенсаций, без мистики. Просто факты.

– А если фактов нет?

– Тогда ищи то, что осталось между ними.

Он постучал пальцем по обложке.

– Проект «КУПОЛ». Когда это было – восемьдесят третий, девяносто первый... Уже при Горбачёве. Что-то про закрытую территорию, автономную энергосистему, биоконтроль... Я

пробил по своим каналам – в других архивах действительно вообще ничего нет. Как будто стёрли подчистую.

– Может, и не было ничего.

– Может. А может, было, да слишком хорошо получилось.

Он посмотрел на меня как-то странно – не как редактор, а как человек, который сам боится узнать ответ.

– И, Серов... если там что-то действительно было, не вздумай геройствовать. Снимай, записывай и возвращайся. А дальше разбираются пусть те, кому положено.

И сейчас, пока летел в вертолёте, я решил вернуться к папке и ещё раз её пересмотреть.

Старые страницы пахли пылью и чем-то ещё – может быть, так пахнет в секретных архивах? В Советском Союзе умели писать пафосно: «новый тип социальной среды», «человек совестный, не ведомый страхом». В реальности всё звучало прозаично: закрытая зона, генератор защитного поля, полная автономия.

До Туруханска я долетел без приключений. Маленький аэропорт, столовая, два таксиста, три собаки.

Когда я спросил, где находится «зона Эхо», таксист хмыкнул:

– Что, снова кто-то туда собрался?

– А что, уже пытались?

– Да кто только не пытался. Говорят, метеорит там когда-то шандарахнул. Или ещё что.

– И что?

– А то. Хочешь жить – не лезь туда.

Он высадил меня у гостиницы – деревянный двухэтажный дом с табличкой «Север». Внутри пахло мазутом и пережаренным луком.

Я показал папку дежурной.

– Проект «Эхо». Слышали?

Она покачала головой.

– Может, мужики в гараже знают, у них свои байки.

Ближе к вечеру я всё-таки нашёл человека, который знал. Проводник, бывший геолог, по имени Дерсу (так и представился: «ну как в книжке»). Сказал, что слышал о куполе ещё от отца:

– Он там работал, дороги строил. А потом всё это закрыли. И с тех пор место проклятое.

– Проклятое?

– Не... просто туда нельзя. Ни зверь, ни птица не идут. Людей выворачивает. Башка трещит, кровь из носа.

Я спросил, можно ли подойти ближе. Дерсу посмотрел, как на идиота, но потом махнул рукой:

– За деньги – можно. Только не дальше просеки. Там, где деревья вдруг молодеют.

Меня передёрнуло не от слов, а от того, как спокойно он их произнёс. Молодеющие деревья. Сказал буднично – как «за этим бугром поворачиваем налево». В тот момент до меня впервые дошло: я даже примерно не представляю, куда лезу.

– Молодеют?

– Да. В том месте у всех всё молодеет – пока не сдохнет.

Так мы и договорились: утром – в путь. Он обещал довезти до границы зоны, показать направление. Дальше – сам. Говорил, что это максимум, на что способен человек, если не хочет потерять рассудок.

Я не сказал ему, что рассудок – вещь, к которой я уже привык относиться как к расходному материалу.

Рано утром, как только проснулся, у меня было ощущение, как перед экзаменом – всё внутри буквально сжалось. Но отступить было уже поздно. Иногда жизнь подбрасывает такие

моменты, когда, хоть ты и понимаешь, что делаешь глупость, но всё равно идёшь вперёд – просто потому, что назад теперь никак.

Выехали рано. Тайга стояла ещё влажная и сонная, солнце цеплялось за верхушки сосен, будто боялось подняться. Дерсу вёл старый вездеход, гремящий как консервная банка, по дороге, которая давно перестала быть дорогой. Коля шла сквозь низину, потом поднималась на каменистый гребень – и всё время тянулась в одну сторону, туда, где по карте должен был начинаться «пустой участок».

Километров за пять до цели радио сначала захрипело, потом просто умерло. GPS показывал ровно ноль спутников. Телефон – нет сети. Дерсу молчал, лишь изредка затягиваясь сигаретой.

– Сейчас почувствуешь, – сказал он наконец.

– Что почувствую?

– Башкой.

Через пару минут у меня действительно начало звенеть в ушах. Воздух стал густым, как перед грозой. Сначала лёгкая тошнота, потом давление в висках, будто кто-то незаметно надел обруч и начал медленно его сжимать. Мотор закашлялся, стрелка тахометра дёрнулась и упала.

– Всё, – сказал Дерсу. – Дальше нельзя.

Мы вышли.

Перед нами тянулась просека – прямая, как натянутая струна, метров пятьсот длиной. На конце её был просто лес. Обычный. Берёзы, ели. Дальше – дымка горизонта. Только воздух там чуть дрожал, как над асфальтом в жару.

– Вот она, – сказал Дерсу. – Зона твоя.

Я сделал пару шагов вперёд. Дерсу схватил меня за рукав.

– Не дури. Даже зверь туда не идёт. Люди тем более.

Я вырвался, шагнул ещё. Голова загудела сильнее, зубы заломило, как от мороженого в жару. Экран смартфона мигнул, пошёл рябью и погас.

Ещё шаг. Воздух стал тяжёлым, пахло озоном. Я успел подумать: «ну вот, дед, я добрался», – и мир вокруг меня начал расплываться.

...Тишина.

Когда очнулся, было непонятно, сколько прошло времени – минута, час или день.

Я лежал на холодной земле, во рту вкус железа. Сердце билось где-то в висках, не в груди. Никаких звуков. Даже собственного дыхания почти не слышно – будто воздух проглатывал шум.

Попытался подняться – получилось с третьей попытки. Колени подрагивали, но стоять можно. Голова налилась тяжёлым гулом, как если приложить раковину к уху – всё внутри, ничего снаружи.

Подумал, что, пожалуй, хватит, – и всё же сделал шаг.

Потом другой.

И вдруг – все шумы внутри головы исчезли. Не стало ни гула, ни давления, ни боли. Шагалось легко, как по ровной дороге.

Сделал ещё пару шагов – и понял, что что-то изменилось вокруг. Лес стал другим: деревья действительно выглядели моложе, стояли плотнее, свет был мягче, трава выше. Было ощущение, что я попал в фотографию, которую кто-то подретушировал. Всё то же – но слишком гладко, слишком аккуратно. Природа так не работает. В воздухе чувствовался сладковатый запах – не тайга, не сырость, а что-то живое, тёплое. Повернулся – позади не было ни просеки, ни следов шин. Только ровная стена зелени.

Сердце билось спокойно, даже удивительно спокойно. Будто система наконец узнала меня, посчитала «своим» – и впустила.

Шёл долго, не меньше часа. Сначала – кустарник и мягкая, вязкая трава, потом под ногами вдруг ощутил асфальт. Настоящий. Серый, почти чёрный и чистый, как будто его только что выкатали катком.

Я остановился, прислушался. Воздух был неподвижен, но издалека доносился ровный гул, как от далёкой электростанции. Ни ветра, ни насекомых – только этот низкий, едва ощутимый бас, будто сам купол дышал.

По обочине тянулись ровные ряды светильников. Лампочки не горели, но от металлических стоек шёл слабый озоновый запах.

Дальше – знак. Жёлтый щит: краска местами облупилась, но чёрная надпись сохранилась: «ГОРОД ЭХО. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

Смешно – «добро пожаловать», когда за спиной ни одной живой души. Я достал телефон – батарея цела, но сети по-прежнему нет. Камера включилась, и, на удивление, работала. Снял щит, дорогу, край леса – просто чтобы убедиться, что всё это мне не снится.

Через пару минут показались первые дома. Обычные, панельные, в четыре этажа. Архитектурно они напоминали стандартные советские хрущёвки. А ещё они были похожи на старые израильские многоквартирные постройки семидесятых-восемидесятых: лет пять назад я делал накануне православной Пасхи в храме Воскресения Христова репортаж в Иерусалиме по поводу схождения Благодатного Огня. Но и те, и другие я видел только старыми, а эти были явно новенькими, ещё не обжитыми – ни пятен ржавчины, ни трещин, ни потёков от влаги, стекла целые. Стояли ровно, окна – как глаза, тёмные и спокойные. Всё казалось слишком правильным, как макет. Вот только людей забыли добавить.

Я шёл по улице и смотрел вокруг. Фонари, дороги, клумбы, даже вывески – всё было на месте, но не было дыхания.

А в голове крутилось только одно слово: Чернобыль. Но Чернобыль мёртв, а этот город жил, только без жителей.

И где-то внутри, под этим ровным шумом, будто тихо работал механизм, огромный и невидимый, поддерживая это совершенство.

Я знал, что в проекте «Эхо» дело было не только в технологиях. Меня поражало, как в те годы вообще могли создать подобное – город, купол, автономную энергетику, идеальные системы жизнеобеспечения.

Но я помнил и другое из протокола. Там говорилось, что целью проекта было не просто построить изолированную систему, а вывести новый тип общества – без страха, без власти, без закона. Город, управляемый не приказом и не выгодой, а внутренним чувством справедливости.

«Государство, где мораль заменяет политику», – стояло в резюме.

Когда я впервые прочитал об этом в редакции, подумал, что всё это звучит как утопия из старого журнала «Техника – молодёжи». Но теперь, глядя на этот город – на фонари, дороги, ровные фасады – я невольно понимал, что, может быть, они действительно смогли.

Несмотря на то, что я не встретил ни одного человека, складывалось ощущение, что город живёт своей тихой, размеренной жизнью. Улицы были освещены, асфальт – чистый, трава – подстрижена. Может, я просто попал на окраину? Может, эта табличка «Добро пожаловать» стоит тут с того самого дня, когда просека впервые привела кого-то внутрь купола.

Ну что, Иннокентий Сергеевич Серов... Добро пожаловать, что ли?

Глава 2. Точка входа

Сначала я подумал, что это ветер. Но ветер не рычит на холостых и не перегазовывает, переключаясь с «бриза» на «муссон». Усталость была такая, что мозг хватался за любые логич-

ные объяснения. Хотелось, чтобы всё оказалось просто. Но тут, похоже, ничего не было простым.

Гул шёл издалека – низкий, тяжёлый, с перебоями, будто кто-то завёл старый дизель после зимовки. Я обернулся. Из-за угла дома, из полосы тумана, выползал... ЗИЛ-130. Самый обычный, с круглыми фарами и квадратной мордой, покрашенной в сине-голубой цвет – такой можно было встретить сейчас разве что в музеях техники или до сих пор ещё в некоторых деревнях. Ну и в кино про период СССР времён «застоя», разумеется. Эту морду я помнил с детства – такие же таскали на дачу кирпичи, когда отец строил сарай, а я помогал ему вместе с пацанами – друзьями, детьми таких же дачников.

Откуда он тут взялся, среди безлюдных домов? Но вот он – одинокий призрак советского автопарка стоит передо мной.

Грузовик остановился в нескольких метрах. За рулём сидел мужик в брезентовой куртке, старой армейской серой шапке-ушанке и с сигаретой в зубах, которая почему-то не дымилась. Он смотрел на меня, будто я только что вышел из телевизора.

Потом рывком открыл дверь, выскочил и выругался.

– Ты кто? Здесь же нельзя!

Голос дрожал не от злости – от шока.

– Иннокентий, – спокойно сказал я. – Журналист.

– Откуда?!

Я махнул рукой назад, туда, где осталась стена леса.

– Оттуда.

Он перевёл взгляд в ту сторону, нахмурился, потом снова на меня, уже удивлённо.

– Не может быть, – ошарашенно произнёс он. – Поле же закрыто.

– Какое поле? – спросил я, но он будто не услышал.

– Чёрт... – выдохнул он. – Стой тут. Не двигайся. Сейчас приедут.

Мужик подбежал к кабине, вытащил из-под сиденья какую-то небольшую круглую коробочку с антенной, поставил на капот и ткнул в неё пальцем. Коробочка тихо пикнула, беспорядочно вспыхнула, как лампа дневного света, и начала равномерно мигать.

– Кто приедет?

– Хранители совести, – ответил он так тихо, будто боялся, что эти «хранители» приедут не за мной, а за ним.

Я стоял посреди улицы и смотрел на человека, который, кажется, всерьёз решил, что я привидение. Ну, или, на крайний случай – шпион. Он не подходил, не отводил глаз. Только держал во рту сигарету, так и не собираясь её прикуривать.

Минут через десять показались они. Из-за поворота тихо выехала белая машина – гладкая, бесшумная, без опознавательных знаков. Напоминала овальную таблетку на колёсах. Фар не было, но дорогу освещал, казалось, весь бампер.

Из неё вышли двое – мужчина и женщина в одинаковых серых куртках без погон и таких же серых брюках. На груди – эмблема: круг и в нём семь серых точек. У них даже причёски были похожи. У него – типичная армейская короткая стрижка, у неё – что-то напоминающее каре, но... более компактное, что ли. Их вид явно наводил на одну единственную мысль: передо мной – служители закона.

Они остановились напротив меня.

– Добрый вечер. Как вы оказались в закрытой зоне периметра? Вы что, не знаете, что районы, подлежащие заселению не в текущем году запрещены для посещения? – спросила женщина. Голос ровный, без эмоций, но спокойный, не холодный.

– Оттуда, – сказал я, махнув рукой назад привычным уже жестом. – Снаружи.

Мужчина с удивлением уставился на меня, молча достал узкую коробку, похожую на ручной 3D сканер, и провёл ею передо мной. Из коробки послышалось гуденье и потом – короткий писк. Он взглянул на экран устройства и произнёс:

– Совпадение биокода: около девяносто семи процентов.

Женщина нахмурилась и отрывисто спросила:

– Чей?

– Самого, – удивлённо ответил он ей. Похоже, он только сейчас окончательно понял, что происходит что-то необычное.

– Пройдёте с нами, – невозмутимо кивнула она мне. – Не беспокойтесь, это не задержание. Проверка и регистрация.

Она была или более выдержаннее мужчины, или просто старше по званию.

– Вы часто принимаете гостей снаружи? – спросил я, пытаюсь сообразить, что за совпадение, какого такого биокода и кто такой этот загадочный «Сам».

– Последний раз – тридцать лет назад, – невозмутимо ответила она.

Водитель ЗИЛа, всё это время молча стоявший рядом, чуть в стороне, перекрестился так быстро, что этого можно было и не заметить.

Белая таблетка двинулась бесшумно – мотор был не слышен вообще, только тихое шуршание шин по идеально гладкому асфальту. Мы свернули на параллельную улицу. Из окна виднелись дома – большие, стекло, бетон и пластик, широкие одинаковые балконы. Рядом – пустые детские площадки, у дороги – пустые остановки. Где-то вдалеке, ближе к центру, виднелся шлейф дыма – аккуратный, вертикальный, как нарисованный.

– Почему окраина пустая? – спросил я.

– Не заселена, – спокойно сказал мужчина, явно пришедший уже в себя. – Дальнейшее расселение по мере роста населения. Зона периметра поддерживается в состоянии готовности. Освещение, датчики, водоснабжение, отопление.

– Как китайские города-призраки?

– Я не знаю, о чём вы говорите, —ответила женщина, переглянувшись с напарником коротким взглядом.

Пункт учёта оказался в здании, которое могло быть чем угодно: поликлиникой, школой, почтой. На фасаде – барельеф ладони, в середине ладони – глаз. Внутри – серые панели, серый кафельный пол, стеклянные раздвижные двери. Запах – чистый, больничный, но хлоркой не отдаёт.

– Снимите куртку и положите на лоток, – сказала женщина-хранитель. – Калькулятор, часы, металлические предметы – туда же.

Калькулятор? Похоже, она имела ввиду мой смартфон. Я послушно выложил всё. Лоток мягко уехал в стену. Меня провели через арку, внутри которой слабым потоком равномерно дул воздух. На экране рядом вспыхнули цифры: «Совпадение 98,71%. Уровень допуска: подтверждён».

– Какое совпадение? Чего? – спросил я.

– Биокода, – она снова повторила это слово. – Подождите здесь.

Меня посадили в маленькую комнату: из мебели только стол и два стула. На стене висел экран – старый, чуть выгнутый, как кинескоп. В углу тихо шуршал вентилятор. Через минуту вошла женщина, симпатичная блондинка лет тридцати в белоснежном халате – не хранитель, похоже – медик. Тонкое лицо, у виска – небольшой бледный шрам, как штрих маркером.

– Дайте руку, – сказала она, протирая спиртом знакомую с детства небольшую тёмную металлическую пластину с острым выступом на конце.

Я дал. Она уколола палец, взяла кровь в такую же привычную стеклянную трубку с красными метками, как на линейке, тут же приложила палец к датчику – холодная линза, вспышка зелёного света.

- Фамилия, имя, отчество?
- Серов, Иннокентий Сергеевич.
- Отец?
- Сергей Алексеевич.
- Дед по отцу?

Пауза.

- Алексей Сергеевич, – сказал я, пристально смотря на неё.

Она кивнула, не глядя на меня. На экране у неё что-то собралось в таблицу, побежали полоски. Потом она наконец подняла глаза.

– По нашей базе, вы – потомок Алексея Сергеевича Серова, руководителя проектов «КУПОЛ» и «ЭХО». Доступ по крови – подтверждён.

– Вот как.

– Иначе вы бы не прошли поле, – спокойно сказала она. – Оно не пропускает внешних. Только линии основателей.

– Основателей? Их было семь? – спросил я, глядя на шеврон с семью точками.

– Восемь, – машинально поправила она и тут же словно спохватилась, оборвала фразу. – По медицинской части больше сказать не могу. Дальше – Хранители.

Она нажала кнопку. Вошёл мужчина – тот, что привёз меня сюда. Положил на стол небольшую, как кредитка чёрную матовую карточку. На ней – всё тот же круг, в нём семь белых точек.

– Временный пропуск, – сказал он. – На нём ваши права и ограничения. До решения Совета Просвещения – перемещайтесь в пределах обозначенной в приложении зоны.

Я взял карточку, похожую на наши банковские: даже микрочип был почти на том же месте.

– В нём вы найдёте также ответы на многие вопросы, но, если что – любой Хранитель Совести поможет вам по мере возможности, – и он вручил мне что-то вроде небольшого буклета.

– Есть у вас здесь газета? – спросил я. – Журнал, радио, что угодно, связанное с прессой или журналистикой.

Мужчина впервые улыбнулся. Улыбка вышла слегка натянутой, но настоящей.

– Есть. У нас всё есть.

Внезапно на стене включился экран. Картинка ожила – серо-голубой фон, та же эмблема круга с семью точками, бегущая строка на красном фоне. Женский голос произнёс: «Городская хроника. Срочное сообщение». На экране появилась ведущая – лет тридцати пяти, волосы убраны назад, лицо без косметики, взгляд сосредоточенный, внимательный. За её спиной – лаконичная графическая информация: «СОВЕТ МИНИСТРОВ СОВЕСТИ» и ниже семь круглых условных значков, похожих на эмблемы.

– Сегодня утром, – сказала она, – в четвертом административном секторе обнаружен министр Чистоты Арзамасцева Виктория Леонидовна без признаков жизни. Смерть наступила предположительно в период с 6:00 до 7:10. Следов насилия не выявлено. На место выехали Хранители Совести и представители Комитета Меры. Просьба к жителям сохранять спокойствие и следовать обычному распорядку. Дополнительная информация будет сообщена после подтверждения данных.

Картинка на секунду дрогнула, по экрану прошла горизонтальная рябь, как будто телевизор вспомнил, что он старый. Потом изображение выровнялось. Ведущая повторила: «Продолжим сохранять спокойствие». После этого эфир сразу же вернулся к расписанию: «Сводка по ресурсам», цифры, какие-то графики.

Я посмотрел на мужчину. Тот не отводил взгляда от экрана.

– У вас часто министры?.. – Я не договорил.

– Нет, – мрачно ответил он. – У нас ничего «часто» не бывает.

В комнату заглянула та же женщина-медик:

– С идентификацией всё. Можете перемещаться. Но лучше – не сейчас.

– Почему? – спросил я.

– Из-за сообщения. По протоколу мы ограничиваем движение в периферийных секторах в первые часы после чрезвычайных уведомлений. Это стандартно.

– Министр – это чрезвычайное уведомление? – спросил я.

– Любая смерть – чрезвычайное уведомление, – ответила она невозмутимо. – В нашем городе.

Мужчина кивнул ей, и та ушла.

– Вы можете ждать здесь, – сказал он. – Либо пройти в холл. Там есть автомат с горячей водой и карта жилых секторов: если хотите, подберите себе район проживания. Дом пока не выбирайте, вам назначат согласно общего списка заселения в районе, который вы выберете. Или вам назначат и район, и дом. Ваш пропуск будет действовать до окончания суток.

– И что со мной дальше?

– Дальше вас пригласят в Городской Центр для беседы. Мы сообщим.

Он встал, сделал шаг к двери, но остановился и повернулся ко мне.

– Вы правда – журналист?

– Да.

– Тогда, – сказал он, будто приняв решение, – совет. Смотрите и слушайте. Но не спешите ничего писать. Здесь не приветствуются поспешные выводы.

В холле пахло кипятком. Автомат для воды, как назвал его Хранитель, был смешной – хромированный цилиндр, внизу которого торчал кран с красной ручкой, как в древнем купейном вагоне. На стене висела большая карта города: круг, разбитый на сектора, от центра – кольца, похожие на годовые на спиле дерева. Если я правильно сообразил, то красный крестик обозначал местоположение здания, в котором я сейчас находился. Почти все дома на карте, находящиеся ближе к периметру, были отмечены голубым цветом. Выходит, незаселённые – именно они?

На стойке лежала газета. Настоящая – плотная, серая, крупный шрифт. ГОЛОС ЭХА. Дата: 2 июня 2021 года. Под шапкой – четыре колонки, заголовки сухие:

«Норма воды в секторе-3 выполнена на 102%»

«Комитет Знания объявляет набор на курсы инженерной переподготовки»

«Красная зона на северном периметре закрыта на профилактику»

И в самом низу:

«Официальное сообщение. Введён режим ясности в рамках сектора 4»

Я провёл ладонью по бумаге. Она была тёплой, будто только что из типографии.

Дверь открылась бесшумно. В холл вошёл тот самый мужик, что первым меня заметил. Снял шапку, растерянно огляделся, увидел меня, подошёл и встал рядом, не глядя, будто мы старые знакомые.

– Гаврилов я! Егор! Служба периметра! – громко произнёс он, будто пытался вылечить мою амнезию.

– Серов, – ответил я. – Иннокентий. Журналист «оттуда».

Он кивнул на экран, где всё ещё бегали цифры.

– Видал?

– Видал.

– Тридцать лет такого не было, – сказал он. – То есть – вообще не было. Я с самого начала тут. Министры у нас... да какие там министры... – Он запнулся. – У нас всё по распорядку.

– А сегодня – нет?

Гаврилов не ответил. Помолчал несколько секунд. Потом сказал:

– Ты чаю хочешь?

Я кивнул.

Мы пили кипяток из белых стаканов, похоже, керамических. На стойке висела табличка: «Сахар – по индивидуальной разнарядке». Сахара не было.

Ладно, потом разберусь, что это за разнарядчики такие, что сахар зажимают.

– Скажи, – спросил я Гаврилова. – У вас здесь милиция называется «Хранители Совести» – это что, официальное?

– Ну да, – сказал он. – Они следят, чтобы было по совести.

– И как это – «по совести»?

Гаврилов посмотрел на меня с усталой улыбкой.

– По совести – чтобы всем хватало и никому не было стыдно. – Он пожал плечами. – А у вас там что, сейчас не так разве? А, ну да... Моя милиция меня бережёт. Как же давно это было...

Он облокотился на стойку, посмотрел на мои руки.

– Тебе дадут жильё, пока разберутся, – сказал он. – На окраине. Там пусто, но свет и вода есть. Хочешь – я провожу.

– Хочу, – ответил я просто.

Как только я получил данные по моему временному месту жительства, мы вышли на улицу. Туман начал рассасываться, купол над городом был почти невидим – только если смотреть по касательной, можно было заметить тонкую дрожь воздуха высоко-высоко. Фонари равномерно освещали улицу. Где-то далеко в центре тихо звенели колёса трамвая – звук, знакомый с детства.

– Трамвай? – спросил я.

– Есть, – сказал Гаврилов. – И троллейбус есть. И всё есть. – Он усмехнулся. – Только людей не хватает.

– Потому и окраина не заселена?

– Ага. Вся жизнь – ближе к центру, – сказал он. – Там всё и происходит.

– А что «всё»?

Гаврилов снова не ответил. Мы шли вдоль забора – чистый, свежавыкрашенный, без граффити, без объявлений, как почти везде там, «снаружи». В одном месте висела металлическая табличка: «Сектор 7. Граница обслуживания». Под ней мелкими буквами: «Ответственный – Служба подкупольного обеспечения».

– Скажи, – сказал я, – у вас есть газета? Телевидение есть? Радио?

– Есть, – сказал он. – Всё по расписанию. – Он помолчал и добавил: – И по мере.

– По мере?

– Тут у каждого своя мера. – Он поморщился. – У нас так всегда.

– В редакцию газеты подскажешь как попасть? – спросил я Гаврилова.

– Центр. Там у любого спросишь, все знают, – моментально ответил он.

Дальше мы шли молча, и уже минут через пять подошли к одному из домов, один в один как те, что я увидел тут впервые. Возле дома – клумбы с цветами, две лавочки, похоже, из пластика. Мы зашли в пустой подъезд. Внутри – чистые ступени, в углу аккуратно висят новые почтовые ящики с номерами. Квартир, похоже, было по две на каждом этаже. Гаврилов поднялся со мной на второй этаж, тут же открыл дверцу с электрическим щитком, вмонтированным в стену, вставил мою карточку в прорезь.

– На сутки хватит. Потом тебе дадут постоянную. Или не дадут – как решат.

– Кто решит?

– Те, кто решают, – сказал он просто.

Мы стояли в пустом коридоре квартиры, которая теперь была моим домом. Временным, или постоянным – дальше будет видно. Тишина была такая, что слышно, как где-то в стене журчит вода. Гаврилов надел шапку.

– Я на периметр, – сказал он. – Работа. Если что – в Пункт учёта придёшь, спросишь меня.

– Спасибо.

Он уже повернулся, но вдруг снова посмотрел на меня:

– Ты не удивляйся, если тебя будут разглядывать. Здесь внешних не бывает. Я давно на обслуживании периметра, так что знаю. И... – он поискал слово, – и министры тут обычно не умирают. И вообще...

Он резко повернулся и ушёл, быстро спустившись по ступенькам.

А я впервые за последние сутки оказался один. И только тогда почувствовал, насколько устал. Устал не от дороги – от неизвестности. В квартире было не холодно. На столе – лист бумаги и простой карандаш. В углу – радиоточка, похожая на те, что были почти во всех советских квартирах. Только там была ручка громкости, а на этих коробках с вращающейся шкалой были деления и семь маленьких белых точек. Я крутанул ручку. Динамик зашипел, и спокойный голос без интонаций произнёс:

– Официальное сообщение. Введён режим ясности в секторе 4. Просим жителей воздержаться от перемещений без необходимости. Напоминаем, что все вопросы можно адресовать Хранителям Совести.

И тут радио зашелестело и тот же голос сообщил уточнение, что личность погибшего подтверждена, причина смерти устанавливается.

– Совет выражает соболезнование семье и просит жителей сохранять спокойствие.

Музыка вернулась. Та же, только теперь ещё тише.

Я провёл ладонью по лицу и подумал о пустых домах на окраине, об идеальном асфальте и ровно растущей траве. О том, как легко я шёл после того, как Купол меня принял. О семи точках на значке. О том, что министр – это не просто должность, а часть механизма, где всё подогнано к совершенству.

И ещё – о том, что совершенные механизмы тоже ломаются. Но редко сами по себе.

Телефоном я сразу решил не пользоваться для записей. Мало ли что тут с напряжением? Я тупо взял со стола обычный простой карандаш, открыл свой блокнот и написал сверху: ЭХО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. И ниже – «Министр Чистоты найден мёртвым. Несчастный случай? Убийство?»

Сквозь занавески в окно проникал свет от уличных фонарей. Далеко, где-то ближе к центру, трамвай снова зазвенел – коротко, как бы предупреждая: «А вот и я». Город был жив. И он помнил, зачем создан.

А я понял главное – он впустил меня и принял.

Глава 3. Глас Совести

В холодильнике оказалось всё то, что должно было безропотно ждать хозяина вечность: консервы, пастеризованное молоко, упаковка «супа быстрого разума» (название внушало опасения), и что-то вроде тушёнки в стеклянной банке, но с маркировкой «растительный белок, 89% одобрения Комиссии Чистоты». На полке – крупы в керамических полупрозрачных банках, две пачки галет и банка с надписью: «Соль йодированная, государственная».

Я выбрал тушёнку: всё-таки 89 процентов одобрения – это вам не 39. Индукционная панель включалась не кнопками, а касанием – точно также, как дома. Металл сковородки нагрелся, жир зашипел. Странно, но эти мелочи меня окончательно успокоили. Плита включается, жир шипит – значит, жизнь идёт. Судя по всему, мысль человеческая, даже под куполом,

двигается в одном направлении – и плита, и микроволновка оказались почти такими же, как и «снаружи». Надеюсь, с утюгом, если понадобится, тоже проблем не возникнет.

Утюга я, кстати, не нашёл.

Пока тушёнка пыталась изобразить говядину, я нашёл в ящичке вилку, сел за идеально чистый стол и впервые за день позволил себе расслабиться. Тишина была просто гробовая, будто звукоизоляция входила в стандарт местных строительных норм.

После ужина я долго крутил в руках папку «ЭХО». Странно, почему никто у Хранителей не посмотрел её содержимое? Смартфон, кстати, тоже: даже не спросили, почему «калькулятор» без кнопок. Очевидно, личные вещи тут были своего рода «табу». Надо будет не забыть уточнить это.

Жизнь под куполом выглядела слишком продуманно, слишком... живо. Не руины, не фантом. Город стоял. Работал. Светился. Значит, кто-то его обслуживает. А значит, надо поскорее добраться до редакции, найти архив, и тех, кто знает, почему здесь такое «интересное» общество – «совком» тут явно даже не пахло. Впрочем, на «Полдень, XXII век» братьев Стругацких тоже было не похоже.

Во мне начинал просыпаться журналист. Причём тот старый, университетский – который верил, что слово может менять мир, пока редактор не объяснил, что мир меняют бюджеты и рейтинги. Я задумался, как завтра искать редакцию. Спрашивать у первого встречного, если честно, мне не хотелось – было как-то... неудобно, что ли. По идее, если это город-государство, то должна быть администрация, справочная, и что-то вроде почты. Или, всё-таки, спросить у кого-нибудь, «где у вас редакция?», как посоветовал Гаврилов? Похоже, так, наверное, и придётся сделать. Тем более, других вариантов у меня пока всё равно не было. И ещё надо разобратся с транспортом: как-то же надо добраться до центра? Не пешком же идти: далековато, всё-таки. И ещё надо как-то узнать за деньги. Интересно, тут тоже рубли – или что-то своё? Какие-нибудь «эхи».

– Девушка, сколько с меня?

– Один эх.

– Эх, дорогая у вас тут жизнь.

– А что вы хотели? Всех эхов не заработаешь...

Смешно. Мой мозг цеплялся за юмор как за спасательный круг. Если уж я попал в этот стеклянный террариум, то юмор поможет хоть немного побарахтаться, прежде, чем утонуть.

Перед сном решил помыться. Ванны не было, а душевая оказалась странной – прозрачный цилиндр со сдвигающейся поворотной дверью и равномерным приглушённым светом внутри. Ни кранов, ни ручек – только панель с пиктограммами: солнце, дождь, облако. Нажал на «дождь» – сверху пошёл тёплый пар, потом мелко распылённая вода: реально, как морозящий дождь. Давление менялось само, будто кто-то регулировал его: то струи становились сильнее, то снова шёл тёплый пар. Повернёшься – струя поворачивается за тобой. Через две минуты на панели загорелось «60 с», и ровно через минуту вода выключилась. Потом засветилась картинка с солнцем и сверху подул тёплый воздух, быстро высушив всё тело.

– Вот это сервис... – пробормотал я. – И экономия воды в комплекте. Главное – успеть намылиться и смыть потом всё мыло за три минуты. А то буду как тот инженер, муж Элочки из «Двенадцати стульев», сидеть на ступеньках в подъезде голый и весь в пене.

Около полуночи я уже засыпал в обычной, кстати, и, довольно-таки уютной кровати, укрытый таким же обычным одеялом – когда вдруг издали донёсся звон. Громкий, металлический, будто бил не колокол, а звучал сталью сам купол. Звон шёл не из одной точки, а будто бы сразу со всех сторон – от центра и откуда-то сверху. Зонтичный такой себе звон. Монотонный, густой звук, от которого хотелось вскочить, как при первых аккордах гимна, и в то же время заткнуть уши: настолько он был давящим.

Я вышел на балкон. Над городом – ни луны, ни звёзд. Только ровное небо почти чёрного цвета и тёмные окна пустых пока ещё домов. Звон длился минуту, не больше. А потом стих – как будто кто-то резко выключил.

Это был, как позже я узнал, Глас Совести – полуночный сигнал к «внутреннему размышлению». Скорее всего, заменитель отбоя. Ничего удивительного для страны, где даже сна, наверное, полагалось стыдиться.

С этой мыслью я всё-таки уснул.

Мне приснилось, будто я бегу по просеке, прочь от города. За спиной топот и крик – Гаврилов, в своей вечной шапке, мчится следом с сигаретой в руках и орёт:

– Дай прикурить! Дай прикурить!

Я споткнулся о большую черепаху, переползающую дорогу, упал, а он навис надо мной, тяжело дыша:

– Уходи отсюда. Не мешай нам спокойно жить...

Проснулся от резкого звука – не колокола, а дверного звонка. Часы на стене, стрелочные, к слову, совершенно обычные, показывали ровно восемь. После звонка в дверь ещё и постукали – вежливо, но настойчиво.

Я открыл. На пороге стояла женщина лет тридцати, в сером костюме и белой рубашке. Всё идеально выглажено, чёрные волосы – аккуратное объёмное каре с короткой рваной чёлкой, очень красивые карие глаза, выражение лица – как у человека, который уже три раза извинился мысленно, прежде чем войти.

– Серов Иннокентий Сергеевич?

– Он самый. Если вы с опросом – мне пока нечего вам ответить. Я тут ещё ничего толком не понимаю.

Она не улыбнулась, но уголки губ дрогнули.

– Меня зовут Нина и мне поручено ваше сопровождение. Я из ведомства Хранителей Совести, Отдел Реабилитации.

Если бы мне поручили сопровождать странного мужика из тайги, я бы задумался о смене профессии. Но Нина смотрела уверенно. Будто с такими, как я, она имеет дело каждый день. Она прошла внутрь, осмотрелась, после чего положила на стол небольшой пластиковый конверт.

– Это ваша идентификационная карта. Теперь она постоянная. С ней вы сможете получать питание, пользоваться транспортом, иметь доступ в общественные зоны и получать всё необходимое по запросу.

Я открыл. Внутри – тонкая карточка с логотипом в виде семи точек в кругу, как на шевроне у вчерашних «гвардейцев»

– А без неё?

– Без неё вы живёте, но не участвуете.

– Значит, вы – мой куратор?

– Помощник. На первое время.

– А потом?

– Потом вы либо адаптируетесь, либо...

– Либо?

– Либо возвращаетесь вовне.

– Понятно... – сказал я. – Ладно, Нина, раз уж вы моя помощница, скажите: как мне попасть в редакцию?

– Мне как раз рекомендовано доставить вас именно туда.

– В редакцию? О, отлично. А она далеко?

Она явно удивилась и чуть приподняла бровь.

– В центре, конечно. Я вас провожу и буду помогать первое время, пока вы не адаптируетесь.

– Ну да... Либо адаптируюсь, либо нет, – добавил я, улыбнувшись. – Ладно, дайте минут десять на кофе и одеться. Вы, кстати, не хотите кофе?

Она снова удивлённо посмотрела на меня:

– Я утром выпила уже свою норму, – после чего вдруг добавила, вспомнив, видимо, что перед ней «Маугли». Хотя, нет, скорее – «Тарзан». – Не волнуйтесь, Иннокентий. Здесь не причиняют вреда. Здесь исправляют.

– Отлично, – весело сказал я, – я как раз неисправимый.

И пошёл ставить чайник.

Чайник закипел тихо – без привычного громкого бульканья. «Боже... даже кипение здесь звучит воспитанно!» – подумал я.

Нина стояла у окна и разглядывала двор – или, скорее, делала вид, что разглядывала. А я стоял, и тоже делая вид, что жду чайник, а сам украдкой поглядывал на неё.

Красивая – бесспорно. В ней была та редкая красота, из-за которой мужчины теряют голову. Я не скажу, что я сама добродетель и что у меня никого не было, но сейчас... Сейчас, глядя на Нину, вдруг почувствовал: вот та девушка, с которой я хотел бы прожить жизнь.

«Эх, Кеша, Кеша... В себе разберись сначала, Ромео недоделанный», – укоризненно сказал внутренний голос.

Я вздохнул и взял закипевший чайник.

– У вас тут всё так... округлое, – сказал я, наливая кипяток в чашку и украдкой поглядывая на неё. – Даже мебель без углов.

– Углы – источник столкновений, – ответила она. – Мы стараемся от них избавляться.

– И от столкновений тоже?

– По возможности.

Интересно, а что они делают с людьми, у которых характер – сплошной угол? Обтачивают? Полируют до блеска? Или... списывают, как производственный брак?

Я допил кофе, сполоснул чашку, быстро оделся и уже через десять минут мы вышли. Возле подъезда стояла машина – такая же гладкая, как та белая вчера, только немного меньше размером и цвета «мокрый асфальт», как называли «там». Колёса утоплены, дверей вроде нет. Но, как только подошли ближе, часть корпуса плавно отъехала назад, как фонарь кабины пилота в самолёте. Если честно, как у той вчерашней белой машины Хранителей открывались двери, я даже не заметил: как-то было не до того.

– Личная, – указав на машину коротко сказала Нина, очевидно для пояснения. – Служебная, но личная.

Салон оказался светлым, почти без приборов. Только сиденья и узкая панель с нежно-голубой подсветкой. Никакого руля – Нина просто набрала какой-то код на небольшом, но широком экране.

Машина тронулась бесшумно, будто не ехала, а скользила. На улицах – ни одного рекламного щита, ни лозунгов. Только таблички на зданиях: «Дом Милосердия», «Ателье Справедливости», «Мастерская Памяти».

– Красиво, – сказал я. – И жутковато.

– Почему жутковато?

– Потому что слишком правильно. Когда всё идеально – всегда где-то спрятан подвох.

Нина быстро посмотрела на меня:

– Здесь нет подвохов. Есть только выбор.

– Да, я уже понял, – усмехнулся я, – между добром и... ещё большим добром.

Она не ответила.

Я вспомнил, как вчера Гаврилов тоже пару раз промолчал, не ответив мне. Похоже, они тут все не стремятся отвечать на неудобные вопросы.

Мы проехали мимо парка – деревья высажены идеально ровными рядами, одинаковой высоты, одинаково зелёные. Даже ветер тут казался дозированным.

– И всё-таки, – сказал я, – странно видеть, что у вас тут новые машины, а по окраинам ездит старый ЗИЛ.

– Старое – для обслуживания нежилого. Новое – для жизни.

– Просто идеальный подход, – хмыкнул я.

Мы ехали молча: я глазел по сторонам, а Нина что-то читала – то ли записи в блокноте, то ли какую-то инструкцию. То ли просто делала вид, что читает. Город просыпался без суеты: люди выходили на улицы не толпами, а ровными потоками, будто по сигналу невидимого дирижёра. Все двигались в одном темпе, никто не разговаривал, не жестикулировал. Каждый – в сером, белом или песочном: почти вся одежда была именно этих оттенков. Ни одного яркого пятна. Только редкие дети, одетые в такие же цвета, позволяли себе шагать чуть быстрее и более вольно.

– Как-то у вас... не спешат, – сказал я, глядя на ровный поток пешеходов.

– Спешка – следствие страха, – ответила Нина. – У нас не принято бояться.

И тут же добавила, на мгновение запнувшись:

– И нечего.

– Зато принято синхронно ходить.

Она снова промолчала. Но я увидел в отражении стекла, что губы у неё дрогнули – едва заметно. Непонятно, правда: то ли от улыбки, то ли от раздражения.

Машина свернула на широкую магистраль. Вдоль неё – фасады в стекле и бетоне, но без вывесок, без рекламы, без витрин. Всё гладкое, одинаковое. На одном из зданий прямо над входом крупными буквами: «Институт Труда и Смысла». Рядом – ещё одно: «Дом Семьи и Верности». Я отметил про себя – стоит запомнить, пригодится для статьи.

– Газета, куда мы едем, – она общая или у вас разные издания по ведомствам?

Нина удивлённо посмотрела на меня:

– Одна, конечно. А что, может быть как-то иначе?

– То есть всё – в одной газете?

– Всё, что нужно знать.

– А если кто-то хочет узнать то, что не нужно?

– Тогда он идёт к Хранителям Совести, – спокойно сказала она.

– Прекрасная редакционная политика, – усмехнулся я.

Машина мягко остановилась. Перед нами возвышалось здание из чёрного стекла – не башня, а скорее монолит, без вывесок, без антенн, и, конечно же, без уродливых ящичков сплит-кондиционеров. Только над входом – простая надпись: «ГОЛОС ЭХА».

– Лаконично, – заметил я. – И без пафоса.

– Выражает суть, – ответила она и удивлённо добавила: – У вас не так?

– У нас много издательств. На разные темы.

– Странно и неудобно, – нахмурилась Нина.

Мы вошли. Внутри – бежевые стены, пол, в котором отражались фигуры людей в одинаковых светло-серых костюмах. Никаких фотографий, никаких газетных вырезок на стенах. Только огромная фраза из металлических букв: «СЛОВО – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».

У нас слово – оружие. Здесь – ответственность. Вариант помягче, но ощущение, что ответственности здесь больше, чем слов.

– Красиво, – пробормотал я. – И слегка пугающе.

Нина подошла к стойке регистрации, за которой сидела рыжая девушка – тоже без тени эмоций, без макияжа, что-то печатающая на терминале чёткими, отточенными движениями.

– Новая аккредитация, – сказала Нина. – Серов, Иннокентий Сергеевич. Временный допуск.

Девушка кивнула, проверила что-то на терминале и выдала мне ещё одну карточку – с тем же символом семи точек в кругу, но синего цвета и с белой полосой сверху: «Пресса».

– Проходите. Вас ждут в третьем секторе, отдел «Публицистика и наблюдение».

– «Публицистика и наблюдение», – повторил я. – А у вас, случайно, нет отдела «Сатиры и сомнений»?

– Был, – тут же ответила рыжая девушка. – Правда, только сатиры. Очень давно. Его расформировали за ненадобностью.

Я внимательно посмотрел на неё. Она не шутила.

Мы пошли по коридору. Воздух пах чистотой – не свежестью, а именно чистотой, как в больнице. И ни единого звука, кроме наших шагов. За стеклянными перегородками сидели люди, похоже – журналисты. Каждый – перед экраном, в наушниках, с идеальной осанкой. Я заметил на некоторых мониторах какие-то тексты, таблицы...

– Информационный рай, – пробурчал я. – Только информации нет.

– Есть, – спокойно ответила Нина. – Просто она не тревожит.

– Да уж, не тревожит, – пробормотал я под нос. – Особенно вчерашняя.

Нина не услышала. Или снова сделала вид, что не услышала.

Мы остановились у стеклянной двери с надписью: «Редакционный сектор 3. Главный корреспондент – Тошин А.В.»

Я усмехнулся:

– Тошин?

– Да. Вы сейчас познакомитесь. Он... своеобразный.

– Главное, чтобы не скучный.

– А вот это я вам точно гарантирую, – и я первый раз увидел искреннюю улыбку Нины. Изумительная.

Дверь открылась. За терминалом сидел Тоха – Антон Викторович Тошин, человек, который ещё не знал, что станет моим лучшим другом и что его размеренный мир скоро начнёт рушиться.

В кабинете Тошина пахло кофе и бумагой. На столе – аккуратная стопка напечатанных листов, клавиатура и чашка с отколотым краем. И это при том, что той, «нашей» посуды я тут вообще нигде не видел. А тут вдруг – обычная фаянсовая чашка: семейная, что ли? Он также, как и все, сидел прямо, как будто позвоночник подпёрли линейкой, и печатал так быстро, будто спасал кого-то от смерти – ровно, размеренно, но без эмоций. Впрочем, эмоциями не был особо обременён никто в этом городе, чему я уже перестал удивляться.

– Антон Викторович, – сказала Нина, обращаясь к нему, – это Иннокентий Сергеевич Серов. Новый корреспондент. Переход из внешнего сектора.

– Вижу, – не поднимая глаз, ответил он.

– Извне, – уточнил я.

Он всё-таки поднял глаза. Зрачки сузились.

– Это невозможно.

– А вот и нет, – сказал я, – возможно. Я, видимо, исключение из ваших правил.

Он наконец оторвался от клавиатуры и поднялся. Ростом чуть ниже меня, простая короткая причёска, худой, в очках, какие носят обычно деятели науки, и с лицом, на котором не отражалось ровным счётом ничего. Вот только голубые глаза выдавали нечто похожее на любопытство. Он достал из кармана салфетку, снял очки и стал усердно их протирать, близоруко прищурившись.

– Впервые вижу живого «извне».

– У вас что, были мёртвые?

Он не понял шутку.

– После отключения внешних связей сюда никто не попадал. Ни случайно, ни специально.

– Ну вот, теперь попал. Исправляйтесь.

Нина вздохнула.

– Иннокентий, здесь не принято иронизировать.

– Вот это-то и тревожит, – сказал я. – Если даже ирония под запретом – значит, система должна просто прийти в ужас от смеха. Нет?

Губы Тошина чуть дрогнули – будто он инстинктивно вспомнил, что такое улыбка.

– Я буду вашим наставником, – произнёс он, надевая очки и пряча салфетку снова в карман. – По линии адаптации.

– Ещё один? У меня уже есть.

– Я – по профессиональной адаптации, – добавил он, мельком взглянув на Нину. – Давайте вкратце введу вас в курс дела.

Он повернулся к стене – там был экран, на котором вместо привычного интерфейса текли строчки текста, как биржевые котировки. Никаких картинок, графики, ничего – только слова и цифры.

– Это лента, – объяснил он. – Общая, новостная.

– Центральное агентство?

– Не знаю, о чём вы, но нет. Это город.

– Город пишет сам?

– В некотором смысле, да. Каждое ведомство отправляет сводку. Мы проверяем стиль, формулировки, соответствие Кодексу.

– Кодексу чего?

– Совести, – спокойно сказал он. – Для нашей редакции, а также редакций радио и телевидения существует Свод Правил.

– И кто решает, что соответствует совести?

– МИРА.

Я чуть не рассмеялся.

– Кто такая Мира? Главная начальница по Своду Правил?

– Главный вычислительный модуль. Матрица Интегрального Регулирования и Анализа

– МИРА. Она проверяет тексты на наличие нарушений.

– То есть совесть... – это программа? – удивлённо спросил я.

– Это инструмент, – ответил Тошин, не моргнув. – Алгоритм не ошибается.

– Это если не ошибся тот, кто его написал, – пробормотал я.

Он не ответил. Нина смотрела на нас обоих с лёгким беспокойством, будто между нами появилось что-то вроде искры – и не ясно, к чему она приведёт.

Тошин сел, включил терминал.

– Хотите попробовать?

– Что – совесть?

– Написать.

Я подошёл ближе.

– О чём писать?

– О сегодняшнем дне. Первое впечатление. Только честно.

– А потом?

– Потом проверим.

Я набрал:

«Всё идеально. Слишком идеально. Город, где даже молчание пахнет дисциплиной».

Тошин нажал клавишу «Отправить». Через мгновение на экране появилось сообщение: «Отклонено. Формулировка «слишком идеально» несёт субъективную оценку. Требуется нейтральность».

– Вот, – сказал он. – Несоответствие уровню допустимого субъективизма.

– Ну, хоть не расстрел, – усмехнулся я.

– У нас не наказывают, – сказал он спокойно. – У нас корректируют.

И в этот момент по залу прокатился мягкий звук – будто из глубины здания заиграл гигантский орган.

Все замерли.

Экраны одновременно мигнули, потемнели. На верхней панели вспыхнула надпись:

«СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ. МИНИСТЕРСТВО СМирЕНИЯ».

Нина напряглась. Тошин медленно повернулся к экрану. Текст побежал по ленте – натужно, неспеша, будто слова выбирались с трудом.

«Сегодня утром внезапно скончался Министр Смирения Николай Сергеевич Левицкий. Причина смерти – внутренний разлад. Город скорбит. Просьба гражданам воздержаться от излишних эмоций.»

Тошин побледнел.

– Этого не может быть.

– Почему? – спросил я.

– Потому что разлад невозможен. У него был абсолютный баланс, я знаю. Собирал данные для репортажа.

– Может, перегрузка по смирению, – не удержался я. Вообще-то я осторожный человек... но иногда сарказм у меня выскакивает раньше здравого смысла. И вот сейчас здравый смысл явно тормознул.

Нина метнула взгляд – острый, как лезвие.

– Это неуместно, Иннокентий.

– Простите. У нас во внешнем мире юмор иногда помогает выжить.

Тишина.

По залу снова прошёл еле слышный низкий гул – будто город что-то обдумывал. На соседних экранах уже бежали тексты: некрологи, цитаты, воспоминания, призывы «сохранять равновесие». Как будто система мгновенно заполнила пустоту – не дав никому почувствовать её.

– Что теперь? – спросил я.

– Созовут Совет, – ответил Тошин. – Выберут временного.

– Быстро у вас тут всё.

– У нас нет времени на хаос, – сказала Нина.

– А на истину – есть?

Они оба промолчали.

Тошин снова повернулся к экрану и тихо добавил:

– Я напишу сообщение. Вы пока посмотрите ленту.

Я смотрел, как слова текут по экрану, одно за другим – ровные, стерильные, без запаха. Ни одной настоящей эмоции. Только видимость.

И вдруг понял – город не просто живёт. Он думает. И сейчас – настороженно наблюдает за мной. А я – за ним. И я пока не понимаю, кто из нас заблудился сильнее.

Глава 4. Экскурсия под куполом

– Ты сказал – у него был «абсолютный баланс»? – спросил я, глядя на Антона. – Это что вообще значит? И давай на «ты», раз уж мы будем работать вместе. Так проще.

Баланс, баланс... у меня дома только банковский счет иногда бывает в балансе. Да и тот – минут пятнадцать после зарплаты.

Антон снова снял очки, снова достал салфетку и протёр стёкла – жест человека, который тянет время, чтобы понять, как вести себя со мной в дальнейшем и соглашаться на «ты», или, всё-таки, хранить дистанцию.

– Равновесие показателей, – произнёс он наконец. – Физических, эмоциональных, социальных. Когда ничего никуда не колеблется.

Он надел очки и посмотрел мне в глаза, слегка улыбнувшись:

– И, да, давай на «ты», я не против.

Мы пожали руки, как бы закрепляя это.

– Показателей чего именно? – уточнил я.

– Иннокентий, – вмешалась Нина, стоявшая у двери. – Сначала – аккредитация, адаптация. Подробности – позже. У вас ещё будет масса времени для подробностей.

– Масса времени? Вы думаете, я собираюсь застрять тут надолго? – спросил я.

– Думаю, время покажет, – ровно ответила она.

Я такие фразы терпеть не могу. Обычно они означают: «мы уже всё решили, просто ты еще не в курсе».

Но тут стеклянная дверь тихо разъехалась и в кабинет заглянул суховатый мужчина лет пятидесяти в сером пиджаке без знаков отличия. Главред «Голоса Эха». Лицо у него было спокойным, как у хирурга перед операцией.

– Тошин, – сказал он, взглядом отметив меня. – Нужен обзор дня. «Как живёт Эхо сегодня». Только кратко, без эмоций, с акцентом на порядке. Бери Иннокентия, пройдитесь стандартным маршрутом и дайте короткие наблюдения. Текст – к концу дня.

– Принято, – коротко ответил Антон.

– И ещё, – добавил главред. – По двум сообщениям – утреннему и вчерашнему вечернему пройдёт официальный брифинг. Не забывай, что мы публикуем только подтверждённое. Никаких домыслов. Только факты.

Он исчез, словно растворился в бежевом коридоре.

– Поехали, – сказал Тоша, надевая куртку. – Пункт первый – Дом Заботы.

– Это что? – спросил я. – Дайка угадаю... больница? Поликлиника?

– Поликлиника и больница – это у вас там, снаружи, я читала, – заметила Нина. – Но они без души. А у нас – забота.

Город днём оказался ещё тише, чем ночью. Тишина была не пустой, а как хорошо отстроенный инструмент: звучала ровно там, где нужно. Люди шли по широким тротуарам в одном темпе – не строем, конечно, но выглядело это всё равно очень ритмично. Я с удивлением заметил, что через пару кварталов и сам невольно подстроил шаг.

– Почему у вас нет вывесок? – спросил я, когда мы миновали стеклянный фасад с матовыми панелями.

– Почему нет, они есть, — Антон показал на узкую табличку у входа: «Дом Заботы».

– А если человек не знает, где этот Дом Заботы?

– У нас таких нет, – спокойно ответила Нина, пожав плечами.

Ага... Наверное, потому что тут даже потеряться – нарушение баланса. Интересно, а у них есть штрафы за это?

Внутри Дома Заботы совсем не пахло больницей. Просто сухой чистотой, без всякой больничной химии и лекарств. Сидевшая за стойкой девушка лет двадцати пяти улыбнулась и кивнула нам. Форма – такого же покроя, как у Нины, только белая. Мы прошли в зал с приятным, не давящим равномерным светом. Никаких очередей, никакого суесть. Люди приходили, прикладывали ладонь к тонкой панели на стойке у входа, садились в кресла, стоявшие вдоль

стены длинного коридора. К сидевшим бесшумно подъезжал маленький белый аппарат, тихо жужжал, очевидно, что-то считывая, мигал зелёным и уезжал дальше.

– Сканеры базовых параметров, – пояснил Антон, видя мой немой вопрос. – Давление, пульс, микроанализ дыхания.

– Самообслуживание? – уточнил я.

– Скорее – самонаблюдение, – поправила Нина.

Мимо прошёл мужчина лет сорока. Он взглянул на мою карточку, которую я вертел в руках, полученную утром от Нины, задержался на секунду и тихо сказал:

– Добрый день.

– Добрый, – ответил я.

В глаза мне он даже не взглянул – только на карточку. Я понял: это не приветствие, а формальность. Так они отмечают друг друга – по цвету допуска, по рангу. Вот она, местная вежливость: здороваются не с тобой – со статусом. А ты, Кеша, просто держатель карточки.

Я посмотрел на Нину:

– Это у вас такая форма вежливости?

Она слегка улыбнулась:

– И то, и другое. Цвет карточки показывает уровень допуска. У вас – чёрный.

– А чёрный что означает? Какой допуск?

– Адаптация.

– А у вас какой цвет и допуск?

– Серый. Служебный.

– А если прозрачный, без цвета?

– Тогда – без статуса. Но так не бывает.

Она сказала это так спокойно, без тени иронии, что я сразу понял: тут статус действительно имеет приоритетное значение.

– Смерть министра Чистоты... – начал я, но Нина остановила меня едва заметным кивком головы. Над стойкой замигала надпись: «Разговоры – вполголоса».

Мы молча прошли до конца коридора и пересекли зал, в глубине которого была стеклянная дверь с надписью: «Бюро гармонии физиологических показателей». Нина приложила ладонь к панели, и дверь беззвучно отъехала в стену.

Дежурный врач встретил нас без тени удивления – будто журналисты тут появлялись каждый день. На бейджике значилось: «д-р А. Кривошеин, отдел гармонии физиологических показателей».

– По делу Арзамасцевой, – сказала Нина.

Он кивнул, не спрашивая, откуда мы.

– Медзаключение официально утверждено, – произнёс он ровно. – Причина – внутренний разлад, переходящий в полную дисгармонию.

– Это что, диагноз? – уточнил я.

– У нас диагнозов нет, – пояснил Кривошеин спокойно. – Есть отклонения от нормы баланса.

Он взял прозрачную пластину, напоминающую планшет – на ней светилась схема человеческого тела, разделённая на зоны разного цвета.

– У каждого гражданина – собственный профиль баланса. Показатели контролирует МИРА.

– Матрица Интегрального Регулирования и Анализа? – переспросил я.

– Да. Она корректирует состав рационов, режим, нагрузку, эмоциональные стимулы. Всё, чтобы сохранить равновесие.

– То есть вмешивается в биохимию?

– Поддерживает её, – сухо ответил он. – Но иногда случается сбой.

– И вы считаете, что Арзамасцева умерла из-за сбоя?

Кривошеин посмотрел мне прямо в глаза, не моргнув:

– Сбоев не бывает. Бывают слишком сложные люди.

– Простите, но это звучит как-то совершенно не по-медицински, – заметил я.

Он пожал плечами.

– Но ведь медицина и этика неразделимы.

Он передал Нине небольшую капсулу с голографической наклейкой.

– Вот краткая сводка. Для публикации – только после утверждения Хранителями Совети. По Левицкому полный результат будет завтра.

Мы вышли. На улице было тихо, даже слишком – ни разговоров, ни шагов. Только мягкий гул из глубины города, будто дыхание металла.

Я посмотрел на плёнку.

– «Внутренний разлад». Красиво звучит.

– У нас не любят слова «смерть», – сказала Нина. – Считается, что это грубо.

– А грубость – тоже нарушение баланса?

– Конечно, – ответила она, и на этот раз не улыбнулась.

Я остановился:

– И всё-таки, если баланс определяет всё, то кто решает, где граница?

Нина тоже остановилась и посмотрела на меня:

– Это решает сам человек. Просто с помощью МИРЫ.

– А если человек решит не так?

– Тогда МИРА исправит.

Она сказала это спокойно, как будто речь шла о смене фильтра в кондиционере.

Я шёл и думал: если система умеет исправлять, значит, умеет и ошибаться. Вот только кто решит, когда это – ошибка?

– Зайдём, время перекусить, – неожиданно сказал Антон, кивнув на одноэтажное здание метрах в ста впереди справа. – Распределитель рядом.

Распределительный Центр внутри выглядел так, как будто скрестили супермаркет и лабораторию. Никаких прилавков, только полузакрытые ниши и короткие очереди к терминалам. Люди прикладывали карточку – и получали лоток, который буквально через несколько секунд выезжал из ниши по конвейерной ленте. В каждом – разные наборы: кому-то – салат и рыба, кому-то – каша и котлеты, кому-то – суп и маленькая квадратная булочка без запечённой корочки.

– А где меню? – спросил я.

– У тебя на карточке, – сказал Антон. – Всё строго индивидуально.

– А если... если, вдруг, я хочу что-нибудь другое?

– Другое? – Нина удивлённо посмотрела на меня.

– Ну да... Например, я сейчас очень хочу жареную картошку и стакан томатного сока.

– Тогда вам, Иннокентий, нужно поговорить со специалистом, – она чуть улыбнулась. –

Иногда «очень хочу» означает «очень устал».

Интересно, как они объяснят такое человеку, который хочет всего лишь жареную картошку? Вот просто. До чёртиков хочет. Но... ладно, у них тут свои тараканы.

– И у каждого – свой набор?

– Ну да, – кивнул Антон. – Мера – это не одинаковость. Мера – это соответствие.

Я получил свой лоток. Картошки, понятное дело, там не было и в помине: в нём оказались перловка, тушёные овощи, крошечная баночка соуса и бледно-зелёный напиток в прозрачном стакане.

– Напиток дня, – сказал Антон. – Не переживай, нормальный.

Я понюхал – пахло мятой и чем-то терпким, будто травой после дождя.

– Ладно, пусть так. Но... это всё – бесплатно? – уточнил я.

– А, ну да... деньги... – сказала Нина, словно вспоминая что-то. – Нет, ничто не бесплатно. Просто у нас другие расчёты, не как там у вас.

Я смотрел на неё удивлённым взглядом.

– Просто участие, – отрезала она. – Позже поймёте.

– И всё-таки, – попытался настоять я.

– Ты принимаешь участие в жизни города, получаешь всё необходимое, – пояснил за Нину Антон. – Деньги не просто не нужны, они – зло.

– Деньги ведут к нарушению баланса, – добавила Нина, – это же очевидно.

– Коммунизм, да и только, – буркнул я, распечатывая пакет с одноразовой вилкой и ножом.

Мы ели молча. Если бы мне такую перловку подсунили там – я бы обиделся на полгода. А тут – ем и думаю, что не так уж и плохо. Опасная тенденция. Но перловка оказалась неожиданно съедобной, соус – в меру острым, как я люблю, а напиток, несмотря на его пугающий цвет, не только вкусным, но и бодрящим. В зале тихо разговаривали. Ни единого громкого голоса. На стене – экран: «Сводка ресурсов». В конце строки коротко мелькнуло: «Сектор 4. Режим ясности – снят».

– «Режим ясности» – это что у вас? – спросил я.

– Ограничение перемещений до завершения первичных проверок, – ответил Антон.

– Из-за смерти министра Чистоты?

Он кивнул. Нина посмотрела на меня внимательно, но промолчала.

Покончив с обедом, мы встали и пошли к выходу, оставив лотки на столе: к нему тот же подкатил робот, напоминающий большой высокий ящик без крышки. Он собрал всё со стола своими манипуляторами, торчащими из цилиндрического возвышения над ящиком, сложил всё в нишу и укатил куда-то за длинную ширму у дальней стены, прихватив по пути ещё пару подносов с соседнего стола.

Далее, маршрут был в направлении аптеки: как я понял из слов Нины, необходимо было получить по карточке полагающиеся ей какие-то корректоры. И аптека всё равно была по пути «стандартного маршрута». Мы прошли по аллее к невысокому зданию с небольшой зелёной вывеской «Аптека». За стойкой – слегка полноватая женщина лет пятидесяти с невыразительным лицом и скучающим взглядом. Нина поздоровалась, и та провела нас в зал, где на стенах рядами висели прозрачные кассеты с разноцветными капсулами. Цветов было немного – белые, серые, бледно-голубые.

– Подбор корректоров, – объяснил Антон. – По назначению специалиста.

– Корректоров чего? – спросил я.

– Состояний, – спокойно ответила женщина-фармацевт. – Лёгкая тревога, недосып, сезонное снижение тонуса. Малые дозы, точные. Корректоры помогают держать фон ровным, чтобы не было резких колебаний.

То есть, здесь даже плохое настроение ремонтируют, как потёкший кран. Впрочем... иногда и я бы не отказался.

– Резких... колебаний, – медленно повторил я. – Чтобы никто внезапно... – Я оборвал фразу. Внутри усиленно засосало под ложечкой.

– Внезапности опасны, – сказала Нина так, будто что-то или кого-то цитировала. – Чем меньше случайностей, тем меньше страха.

Ну да. Особенно когда они касаются министров и случаются два раза за сутки.

– И смерти, – тихо сказал я.

– И смерти, – также тихо повторил Антон.

Фармацевт протянула Нине коробочку: та кивнула, не раскрывая, убрала в сумку.

– Для вас? – спросил я.

- Да, для меня, – ответила Нина.
- Вы тоже... корректируетесь?
- Все корректируются, – сказала она. – У каждого – своя коррекция. Индивидуальная.
- И давно у вас так?
- Двадцать лет, – ответил Антон. – С тех пор, как город вышел на стабильный режим.
- И что, за двадцать лет – ни одного... – я подбирал слово, – ни одного «внезапного»?
- Периодически – старость, были неизлечимые, – сказал он. – Но «внезапных» – нет.

Город не любит неожиданностей.

Я почувствовал, как в голове начала формироваться тревожная мысль: «Вчера вечером – одна «внезапность». Сегодня утром – ещё одна. Тенденция, однако».

- Пойдём, – сказала Нина, повернувшись ко мне. – Вы хотели увидеть площадь.

Площадь Согласия была круглой, как огромная арена. В центре – семь низких пилонов дугой, как половина кольца. На каждом – небольшая табличка из матовой стали: «Смирение», «Благодарность», «Спокойствие», «Труд и Смысл», «Мера», «Чистота», «Любовь». У «Чистоты» лежали живые цветы – простые, белые. У «Смирения» – свежая лента.

- Вчера вечером, – сказала Нина, – цветов приносили чуть больше. Сегодня – меньше.

Люди возвращаются к ритму.

- «Смирение» – это был Левицкий, – произнёс я. – Николай Сергеевич.
- Да, – кивнул Антон.
- И «Чистота» – Арзамасцева. Виктория Леонидовна.
- Да.

У нас площади постоянно заполнены людьми: просто гуляющими, читающими на многочисленных скамейках по периметру, катающихся на роликах или самокатах и играющих детей. Там площадь – это жизнь. Тут же я не увидел на площади ни одного празднично прогуливающегося или ребёнка. Только однажды видел, как упал, споткнувшись о бордюр малыш лет пяти и женщина, ведущая его за руку, подняла его. Они просто молча пошли дальше. Мальчик даже не захныкал, а на лице у мамы – маска равнодушия. Дети, которые не плачут... всегдастораживают. Или я слишком привык к нормальному миру, где ребёнок орёт, если ему не дали мороженое. Но, похоже, что хорошее настроение у них тут не просто ограничено, – оно вообще под запретом.

Мы молчали. На противоположной стороне площади стояло огромное здание с длинными вертикальными стеклянными панелями. На входе – семь знаков, как на моих карточках.

Круглая эмблема: два контура, а внутри – сеть из семи точек, соединённых пунктирными линиями. Шесть небольших точек по кругу, а центральная точка – крупнее остальных, будто узел, к которому всё сходится. В ней – знак самого министерства.

- У каждого – свой, но выполнены в одном ключе: простые, понятные, с ладонью в центре.

У *Смирения* – ладонь, прикрывающая пламя.

У *Благодарности* – ладонь, поддерживающая Солнце.

У *Спокойствия* – ладонь, опущенная на поверхность воды, как бы удерживающая волны.

У *Труда и Смысла* – ладонь, сжимающая молот.

У *Меры* – две раскрытые ладони, обращённые друг от друга, как чаши весов.

У *Чистоты* – ладонь, на которой стоит прозрачная чаша с водой.

У *Любви* – две ладони, как бы обнимающие сердце.

Эмблема *Совета Совести* выглядела также, но в каждой из семи точек одинакового размера был свой знак. И все они тоже соединялись в единую сеть.

- Там собирается Совет? – спросил я.
- Да, – сказала Нина. – Когда нужно обсудить хрупкое.
- Хрупкое?
- То, что не любит громких голосов.

Я присел на край пилона «Мера» – не прислоняясь, чтобы не оставлять следов. Ветер слегка трогал волосы – ветер, наконец, был ветер, а не дозированное движение воздуха. Интересно, это только тут, на площади так?

Я сидел и думал: «Два министра – вчера и сегодня. Подряд. А город – продолжает жить своей жизнью».

– Иннокентий, – позвала Нина. – Нам пора.

– Подождите минуту, – сказал я. – Ещё один вопрос. Чисто теоретический.

Они внимательно посмотрели на меня.

– Говори, – сказала Нина.

– Если в городе двадцать лет не было «внезапностей», – я машинально вынул из кармана свой блокнот, – значит, кто-то следит, чтобы их не было. Я правильно понимаю?

– Мы все следим, – ответила Нина.

– А если кто-то захочет, чтобы «внезапность» была? – спросил я. – Теоретически.

Нина встретила мой взгляд прямо.

– Тогда он столкнётся не с человеком, – сказала она. – А с системой. И проиграет.

– «Система» – это кто? – не отступал я.

– Город, – коротко ответил Антон.

Я только кивнул, но слова «внезапность» и «система» по-прежнему не давали мне покоя.

По дороге в редакцию мы ещё прошли мимо «Института Труда и Смысла». Через стекло было видно: в зале люди, одетые в коричневую форму, стояли у нескольких длинных столов в центре и что-то собирали. У входа висел информационный экран: «Набор на курсы переподготовки. Заявки – по мере». И тут «по мере»? Похоже, это слово было здесь почти молитвой.

– Работа у нас – это не только производство, – сказал Антон, проследив мой взгляд. – Это способ не потерять смысл.

– И как вы понимаете «смысл»?

– Смысл – это когда вечером не стыдно за прожитый день, – ответил он. – Не когда тебя хвалят, а когда ты сам чувствуешь.

– Но без гордости, – тихо добавила Нина. – У вас не так разве?

– Потому что гордость – у вас преступление, – сказал я.

– Не преступление, – покачал головой Антон. – Риск.

– Риск раскачки, – добавила Нина.

Господи, как же у них тут всё запутано? Из благих намерений сделать «фетиш» – это надо умудриться.

Мы пошли дальше. В одном дворе дети занимались на площадке – пятеро подростков лет двенадцати в одинаковых серых футболках сидели прямо на траве и делали упражнения, похожие на дыхательную гимнастику. Тренер говорил тихо, дети слушали внимательно.

– А у вас дети смеются? – спросил я. – Хоть иногда?

– Смеются, – Нина позволила себе еле заметную улыбку. – Но не над другими.

К вечеру город стал теплее – не светлее, именно теплее. Люди шли домой в том же ритме, в окнах зажегся ровный свет. Мы вернулись в «Голос Эха».

На пороге главред остановил нас:

– Что видели?

– Город в ритме, – спокойно ответил Антон. – Распределители работают, Дом Заботы – без перегрузок, площадь – без давки.

– Хорошо, пиши. И про площадь – коротко. Без комментариев.

– Понял, – кивнул Антон.

– Иннокентий Сергеевич, – обратился главред ко мне. – Ваши первые строчки?

Я протянул блокнот. Запись я сделал, когда мы поднимались на лифте: «День, в котором нет случайностей. Всё по мере. Всё ровно. Даже ветер как будто знает, сколько ему можно».

Главред прочитал, кивнул:

– Без «слов-оценок». «Как будто» – уберите.

Если журналисту запрещают оценивать – он превращается в диктора. А дикторам, как известно, платят за отсутствие личного мнения.

– «Как будто» – это не мнение. Это и есть мера, – сказал я.

Он пристально посмотрел на меня, потом коротко кивнул:

– Ладно. Оставьте.

Мы поднялись в сектор. Антон сел за терминал и начал печатать обзор. Нина стояла у окна, смотрела на город, будто проверяя, на месте ли каждый дом.

– Скажи честно, – обратился я к Антону. – За двадцать лет действительно «внезапных» не было?

– Не было, – ответил он, не поднимая головы. – Я бы знал.

– Тогда – простая математика, – сказал я, медленно, чтобы услышали не только они, но и я сам. – Вчера вечером – Министр Чистоты. Сегодня утром – Министр Смирения. Две смерти подряд. В городе, где «внезапностей» не было уже двадцать лет. Вам не кажется это странным? Необычным, по крайней мере.

Нина повернулась.

– К чему вы клоните?

– К тому, – жёстко ответил я, – что, возможно, это не «внезапности».

Повисла полная тишина. Кто-то в соседнем секторе чихнул, и звук показался слишком уж громким.

– Это домыслы, – сказала Нина.

Я пристально посмотрел ей в глаза.

– Нет. Это простая констатация фактов.

Антон замер над клавиатурой. Посмотрел на меня, будто прикидывал: воспринимать всерьёз или не воспринимать.

– Да, у нас не было вот так – «сразу двух», – медленно произнёс он. – Это верно.

– Значит, либо система дала сбой, либо... – я сделал намеренную паузу, – Либо кто-то научился ей мешать.

Нина сжала губы.

– Будьте осторожны с такими формулировками, Иннокентий. Здесь слова – часть конструкции. Неловкое слово – как трещина.

– Понимаю, – кивнул я слегка раздражённо. – Но, если трещина есть, её не заделаешь молчанием.

В это время снаружи протянулся низкий, едва слышный бас, похожий на Глас Совести, но с каким-то другим, глубинным тембром. Как будто город перевёл дыхание.

– Брифинг через час, – тихо сказала Нина. – Поедем вместе.

– Поедем, – кивнул я.

Она уже повернулась к двери, а я посмотрел на таблицу у Антона за спиной: семь слов, семь пилонов, семь спокойных слов – «Смирение» и «Чистота» теперь с тонкими чёрными лентами в углу.

Двадцать лет – ни одной внезапности.

И двое – за менее чем сутки.

Город жил. Город держал ритм. Но где-то в глубине этот ритм сбился на долю одного удара. И я вдруг подумал, что Эхо – это не только название. Это предупреждение.

Эхо бывает только тогда, когда кто-то издал звук. И у меня было стойкое ощущение: первый звук тут уже прозвучал.

Глава 5. Право на кофе

После брифинга, на котором, собственно, ничего нового не прозвучало, Нина отвезла меня домой – ей необходимо было вернуться в свой отдел. Она коротко попрощалась, сказала, что утром заедет также в восемь и сразу уехала.

Мы вместе провели сегодня целый день. Интересно, что она думает обо мне? Какое-никакое, но мнение за это время можно было составить. Не как о журналисте, не как о человеке, к которому её прикрепили по долгу службы, а как... как о просто человеке.

Я весь день ловил себя на том, что смотрел на неё не тогда, когда она говорит, а тогда, когда молчит. В паузах. Мне было интересно, что она думает, как иногда прячет взгляд, будто бы в себя. Это не было похоже на равнодушие. Скорее – на осторожность.

Меня немного тревожило, что я не понимал, как она меня восприняла. Не оттолкнул ли? Не показался ли слишком резким, слишком прямым, слишком чужим для её мира, где всё разложено по полкам?

А может, наоборот – именно это её и зацепило?

Она внимательная. Очень. Такие люди замечают всегда больше, но держат всё при себе. Не знаю.

Антон. С ним проще. Мы тоже провели с ним целый день вместе. Но с ним-то как раз всё сложилось неожиданно легко: мне вообще показалось, что мы друг друга поняли почти сразу. Безо всякой притирки. Как будто знакомы давно.

А с Ниной... с Ниной – иначе. Там пока больше вопросов, чем ответов. Но почему-то это меня совсем не раздражало.

Да, она мне понравилась. Сразу понравилась. Но это не было как взрыв. Скорее... скорее это появилось где-то внутри позже, к концу дня. А такое чувство никогда не возникает случайно.

Ладно. Как говорится: утро вечера мудренее. И завтрашний день расставит всё по местам. А делать выводы на ночь лучше оставим ничего не понимающим в народной мудрости идиотам.

Ночь, кстати, сегодня показалась мне особенно тихой. Слишком тихой.

Тут, под куполом даже тишина была как звук, точно рассчитанный каким-то дотошным инженером: без скрипа, без шороха. А когда тишина слишком идеальная – она начинает звучать громче любого шума. Я лежал, смотрел в потолок и думал, что в этом городе и бессонница, наверное, нормирована. И я сейчас использую свою месячную норму. Или квартальную?

В полночь, как всегда, прогудел Глас Совести – металлический гул, прокатившийся по воздуху, будто предупреждение: «Не перегибай-ай-ай, Иннокентий-ий-ий!».

Я перевернулся на другой бок и пробормотал:

– А если я всё-таки перегну?..

Сон ушёл окончательно. Я сел, посмотрел на свою карточку, где аккуратным шрифтом светилась строчка: «Кофеин: суточная норма достигнута».

– Да пошли вы со своими нормами! Вот – банка кофе, вот – банка с сахаром. А вот – я, ужасно хотящий кофе. Сейчас. И плевать, что норма, – сказал я вслух, встал и включил чайник.

– Ну и кто мне запретит?! – крикнул я, задрал голову. Это был маленький бунт. Ничего героического, конечно. Но в этом городе любое «я сам» звучало как вызов.

В ответ – тишина.

– Молчание – знак согласия, – удовлетворённо сказал я, наливая закипевшую воду в чашку.

Через час я всё-таки заснул, несмотря на двойной кофе.

Проснулся с одним ясным решением: если в этом городе всё регулируется – от света до вздоха, – то кофе я буду пить по-своему. Не по нормам, не по карточке, не по расчёту плотности совести на литр воды. Просто потому что хочу. Принципиально, и точка!

Кухня блестела, как музей утилитаризма: ничего лишнего, всё строго и аскетично – ни малейшего намёка на творческий беспорядок. На полке стояли ряды одинаковых баночек с аккуратными этикетками вроде: «Завтрак: рацион 2, энергетическая норма: стандарт +».

Я, как и ночью, повторил всё в тех же пропорциях: две ложки кофе, две – сахара. Залил кипятком. Небеса не разверзлись. В душе – как будто взломал сейф. Я тихо рассмеялся, чтобы не вызвать у себя же чувство вины.

В дверь позвонили. Я открыл – на пороге стояла Нина: тот же серый форменный костюм, волосы убраны идеально, косметики, которая ей, впрочем, была и не нужна – почти ноль. Служебная аккуратность в чистом виде. В глазах – немой вопрос: «Всё нормально?»

– Доброе утро, – сказала она ровно.

– Доброе, – ответил я и, не удержавшись, добавил: – А кофе у вас тут по талонам?

Она улыбнулась почти незаметно, как будто это была программа: «На данную реплику рекомендована улыбка пункт 4.1».

– Рационы, – объяснила она. – Для поддержания баланса. Нормативы. Для здоровья.

Я взял чашку, сделал большой глоток. Она ничего не сказала: скорее всего, просто не подумала, что я пью уже четвёртую чашку за сутки при норме – две.

Уже в машине, по дороге в редакцию, я сказал:

– Нина, представьте: у вас есть железный свод правил, чтобы люди не ссорились, не обижались, не унывали. И вы им это даёте – ровно по норме. А если кто-то захочет поссориться? Или обидеться? Или, не приведи Господь, посмеяться до слёз? Вы что, их лишаете права на жизнь?

Она посмотрела на меня, словно оценивая, опасен ли я как вирус, или просто тихий ненормальный. Вирус, конечно, громко сказано. Максимум – раздражитель. Но средней устойчивости.

– Мы не лишаем, – терпеливо ответила она. – Мы минимизируем вред. У нас есть алгоритмы, исследования. Если человек получает больше стимулов, чем положено, баланс нарушается. А баланс – это безопасность.

– Баланс, – повторил я. – Снова этот ваш пресловутый баланс. Это когда все одинаково скучны? Или, когда никто не дышит полной грудью?

Она вздохнула, и в этом вздохе впервые я услышал что-то человеческое.

– Здесь безопасно, – сказала она мягче. – Безопасно и гармонично.

Я смотрел в окно: город проплывал мимо – ровные ряды деревьев, люди, движущиеся как по нотам.

– Я не собираюсь взрывать купол, – ответил я. – Просто хочу чашку кофе, потому что ночью спал плохо, а я хочу думать ясно. Разве это преступление?

Она открыла рот, хотела возразить, потом закрыла и улыбнулась – уже не служебно, а по-человечески, как будто поняла, что наша маленькая ссора – не про кофе вообще.

– Ладно, – сказала она наконец. – Ваше дело. Вам простительно пока, всё-таки – «не наш». Но помните: у нас везде камеры и датчики.

Я чуть не сказал: «А в душе тоже?» – но вовремя прикусил язык. Надо же сохранять хотя бы иллюзию благоразумия.

– И что? – я вытащил из кармана карточку. – Я же не инопланетянин. Хоть карточка и чёрная, но она есть. Значит, меня в какой-то степени признали. Я не люблю, когда за мной наблюдают. Но я и не прячусь.

Нина как-то по-другому посмотрела на меня. Но не оценивая. В её взгляде впервые появилась... заинтересованность, что ли...

– Потому что вы – потомок, – тихо сказала она, опустив взгляд. И я услышал уважение в голосе. Но от этого стало как-то не по себе.

Потомок» – слово с горчинкой. Я кивнул, но мысль закралась: потомок – значит, привилегия. Привилегия – значит, ответственность. А я пока чувствовал только одну обязанность – быть самим собой.

– И если уж на то пошло – меня что, за чашку кофе не по регламенту арестуют или расстреляют, блин? – я попытался немного разрядить напряжение.

– Блин? При чём тут блины? – искренне удивилась Нина.

– Надеюсь, вы скоро поймёте, – улыбнулся я ей.

И вот сейчас она посмотрела на меня уже заинтересованно. А я просто сидел и тупо любовался ею, улыбаясь. Интересно, как она восприняла бы Москву? Обязательно повезу её. Если только...

Я замечтался и не заметил, как через несколько минут мы подъехали к редакции. Тошин стоял у входа, очевидно ожидая меня. Вид у него был как у человека, которому предстоит объяснить очередной приказ начальства ребёнку.

Мы поздоровались и зашли внутрь. Я обвёл оценивающим взглядом помещение, посмотрел на сосредоточенные лица. И в этот момент меня перемкнуло:

– Папа, скажи, так кофе это «он» или «оно»? Ну... если как варит мама, – точно «оно», причём полное «оно».

Иногда достаточно одной идиотской реплики, чтобы вокруг поменялась атмосфера. Смех – лучший лом для таких «правильных» систем.

Тишина. Пауза. Потом – сдержанная улыбка и робкий смешок Антона. Кто-то закашлялся, кто-то подавился смехом. И в комнату, где до сих пор царствовала правильность, будто прорвался луч света: люди начали смеяться.

– Хоть этот кофе и «оно», но я не спал полночи и ужасно хочу чашку даже этого «оно». Пусть это и не заливная рыба, а стрихнин какой-то, – сказал я почти цитатой из «Иронии судьбы», принципиально насыпая две ложки кофе и столько же сахара.

Нина грустно посмотрела на меня и тихо сказала:

– Вы попадёте в беду, Иннокентий.

– Может быть, – ответил я. – Но лучше быть в беде с чашкой кофе, чем жить спокойно, но без вкуса.

Осторожный смех разливался по залу как маленькая весна. Это была не громкая победа, не революция. Но уже этого оказалось достаточно: люди смотрели на меня теперь совершенно по-другому – не так, как вчера.

Антон сидел за своим столом, уткнувшись в экран, Нина молчала, всё так же как-то странно глядя на меня украдкой, а я всё ещё наслаждался своим кофе, как победой.

– Ну что, герой независимого потребления, – сказал Тошин, оторвавшись от своих сводок, – займёмся делами, а?

– А я и занимаюсь делом, – ответил я. – Провожу эксперимент: можно ли жить по-человечески в обществе, где даже вкус регулируется.

Он вздохнул:

– Только не начинай снова...

Дверь кабинета открылась. На пороге стоял главный редактор – Аркадий Степанович. Взгляд, который может высушить чернила в ручке. В руках – папка с голографической эмблемой.

– Серов, Тошин, Ветрова, ко мне. Сейчас.

«Ага, значит фамилия Нины Ветрова? Красиво», – подумал я, глядя на неё.

Мы вошли.

Редактор не сел – стоял у окна, будто подглядывал за городом через щель в реальности.

– Получены данные по Левицкому, – сказал он. – И это странно.

Он открыл папку, пролистал.

- Анализ идеален. Все показатели в норме. Ни сбоя, ни патологий, ни... ничего.
 - Внутренний разлад? – спросил я, вспомнив Арзамасцеву.
 - Да, то же самое, – отозвался Аркадий Степанович. – Смерть от отсутствия отклонений.
- Я присвистнул:
- Слишком здоров, чтобы жить?

Нина нахмурилась:

- Это не шутка, Иннокентий. Баланс – основа жизни. Когда показатели совпадают идеально, тело теряет стимул к коррекции. Энергия не движется.
 - То есть человек умирает... от совершенства? – уточнил я.
 - Не умирает, – поправила она. – Завершается.
- Я посмотрел на неё.
- По-нашему это называется «умирает», Нина. Не бойтесь слова. Оно не кусается.
- Редактор закрыл папку, как крышку гроба.
- Официальная версия: естественная дисгармония вследствие абсолютного равновесия.

Публиковать можно только с пометкой «статистическая редкость».

Я взял у него папку, мельком глянул. В строках мелькали цифры, но среди них – две одинаковые комбинации. Одни и те же добавки в рационе у обоих умерших: L-сонатин и F-гликонат.

- Аркадий Степанович, – сказал я спокойно, указывая на цифры, – вы знаете, что сочетание этих веществ при высокой концентрации серотонина вызывает сердечный блок?

Он поднял глаза.

- Откуда ты это знаешь?

– Я когда-то писал статью про «умные диеты». В Москве была история: трое умерли от передозировки адаптогенов. Почти тот же состав.

Антон, посмотрев на записи, удивлённо заметил:

- Но здесь ведь дозы минимальные...

– Вопрос не в дозе, а в сочетании, – ответил я. – Если организм слишком уравновешен, он не способен компенсировать даже малое смещение. Всё замирает.

Нина покачала головой:

- Этого не может быть. МИРА учитывает все реакции, даже незначительные.

- Или считала, что учитывает, – бросил я.

Она посмотрела на меня, как на богохульника, но уже не с уверенностью, а с лёгким сомнением.

Редактор долго молчал. Потом тихо сказал:

- Не лезь глубже, Серов. Это не наша прерогатива.

- А чья? – спросил я. – Тех, кто пишет заключения «умер от равновесия»?

Он ничего не ответил. Только отложил папку в сторону и слегка подвинул ближе ко мне, будто случайно. Я намёк понял, и молча взял её.

Главред как-то странно посмотрел на меня и едва заметно кивнул – действуй.

Судя по возрасту, он был ещё из того, первого поколения. Значит мозг не так зашорен, как у нынешнего – Антона и Нины. Если те что-то о внешнем мире и знали, то только то, что им «преподавали» и считали нужным сообщить. А Аркадий Степанович... он понял. Понял и я: журналистское расследование начинается.

Когда мы вышли, Антон нервно застегнул куртку:

- Ты не понимаешь, куда лезешь.

- Зато чувствую, куда это ведёт, – ответил я. – А это иногда важнее.

- И что теперь?

– Теперь я попрошу доступ к архивам рационов. Формально – материала для статьи о пищевой реформе. А неформально – хочу понять, чем тут на самом деле кормят людей.

Нина шла рядом, молча думая о чём-то. Потом вдруг сказала:

– Если это правда... если кто-то вмешался... это будет не просто ошибка. Это будет... грех.

– Тогда, – сказал я, – пора вспомнить, что грех – это тоже часть совести. Без него она не работает.

Мы снова замолчали.

Вокруг шумел город – ровно, как вентилятор. Всё вращалось, двигалось, но без живого огонька. Антон кашлянул, будто собираясь что-то сказать, но промолчал, видимо, передумав.

– Ладно, – я хлопнул его по плечу. – Раз уж мы втроём, то втроём и копать будем.

– Копать? – переспросил он, словно я предложил вырыть ров вокруг редакции.

– Да. Копать, рыть, ковырять, грызть... искать, короче. Мне нужен доступ в архив рационов. Где это вообще у вас хранится?

Антон растерянно посмотрел на Нину. Та ответила вместо него, сухо, по-купольному:

– Архивы хранятся в Доме Согласования. Любая заявка проходит через Комиссию по целесообразности.

– Охренеть, – сказал я. – То есть, чтобы просто узнать, кто что ест, мне нужно согласовать, целесообразно ли это?

– Конечно, – спокойно ответила Нина. – Иначе можно нарушить чью-то пищевую приватность.

Ну да. Здесь даже чих, наверное, проходит согласование по форме, содержанию и уровню социального воздействия.

Я не удержался от смеха:

– А если я просто напишу «проверка вкусовых тенденций»?

Антон посмотрел на меня так, будто я предложил сплясать канкан на похоронах.

– Кеша... ты не понимаешь. Здесь нельзя просто что-то «проверить». Здесь всё проверено заранее.

– Вот именно, – сказал я. – И я как раз хочу узнать, кем.

Нина покосилась на меня с беспокойством, но в её взгляде уже не было осуждения – только интерес.

Антон, наоборот, побледнел:

– Аркадий Степанович ведь сказал «не лезь глубже».

– Да, но и одновременно намекнул – «действуй», – напомнил я. – Понимаешь? Разница есть. Так что, мы будем действовать, но пока только на свой страх и риск.

Мы шли по улице. Воздух под куполом был прозрачным до стерильности, будто его тоже прогоняли через фильтры совести.

Я остановился у машины.

– Так. С чего начнём?

Антон опустил глаза:

– Без допуска в архив нас не пустят.

– А если с сотрудницей Хранителей Совести? – я повернулся к Нине.

Она задумалась.

– Это рискованно, – сказала наконец. – Но формально – возможно. Если я внесу вас в запрос как «вспомогательное сопровождение», то, надеюсь, получится попасть в архив вместе. Шанс есть.

– Отлично, – сказал я. – Тогда оформляй, а я пока подумаю, как обойти Комиссию по целесообразности.

Антон тяжело вздохнул:

– Ты будто специально ищешь неприятности.

– Нет, – ответил я. – Я ищу ответы. Просто здесь это, кажется, одно и то же.

Они переглянулись – и я понял: втянул обоих. Они заинтересовались. И это – вторая победа после кофе.

Пусть не до конца, пусть осторожно, но искра уже есть. Как говорил дедушка Ленин: «Из искры возгорится пламя». Я не верил в судьбу, предначертанность и все эти пафосные слова. Но иногда тебе просто вручают лопату – и показывают, где надо копать.

Если уж они измеряют совесть ложками, я хочу узнать, чем её размешивают. И если город Эхо действительно отражает всё сказанное... значит, скоро он начнёт отражать и вопросы.

Глава 6. Покушение

До Дома Согласования со слов Нины оставалось идти минут пять.

Она шла немного впереди нас с Антоном, и я просто заглядывался её идеальной формой. Нет, не подумайте только – не той. Хотя там было на что посмотреть: фигура у неё была просто превосходная. Я смотрел на форму, которая форма. Тут, под куполом, она была, кажется, у всех. Покрой – фактически одинаковый, различие было только в цветах.

Мне невольно вспомнился фильм «Кин-дза-дза!» Георгия Данелия и знаменитые фразы: «Я не могу жить в обществе, где отсутствует цветовая дифференциация штанов» и «Жёлтые штаны — три раза «Ку»!». А в чём я не прав? Если быть честным, цветовая дифференциация у них же тут действительно есть, и она реальная: начиная от цвета формы, и заканчивая цветом карточек. Так что, покажи я здесь этот фильм – меня тут же обвинили бы в подрывной сатире.

После моего «показательного выступления» с кофе в глазах Нины появилась едва заметная тень сомнения – кажется, она впервые задумалась, какой же вкус у хорошего кофе.

Антон брёл за ней, глядя под ноги, как будто искал на тротуаре здравый смысл. Он вообще так ходил, как я заметил, – словно боялся наступить на что-то не по регламенту. Типичный «купольный интеллектуал»: умный, рассудительный, но с выражением лица человека, который каждое утро сверяется с внутренней инструкцией – можно ли сегодня сомневаться. И, всё-таки, в нём было что-то трогательное: человек, который старается жить правильно, просто потому что иначе не умеет, но подсознательно чувствует в этом какую-то фальшь. Наверное, именно поэтому мне хотелось, чтобы он наконец посмотрел не под ноги, а вперёд. Мне хотелось взять его за плечи, встряхнуть и сказать: «Антоха, подними голову! Вокруг живые люди!» – но, скорее всего, здесь тут же посчитают это терактом против внутренней гармонии.

Я шёл рядом, теперь уже зная, чего хочу от жизни: хотя бы чашку нормального кофе и пару ответов на пару вопросов.

– И всё-таки, – сказал я, – чтобы просто посмотреть, кто кого и чем кормит, реально нужно разрешение?

– Нормативное, – спокойно ответила Нина. – Все запросы проходят через Комиссию по целесообразности.

– А совесть у вас, случаем, не лицензируется?

– Сертифицируется, – невозмутимо сказала она.

Я ожидал, что Нина хотя бы усмехнётся. Но она сказала это так спокойно, что я почувствовал себя идиотом, спросившим: «А у вас вода мокрая?».

– Шутите?

– Нет, она не шутит, – ответил Антон. – Называется «Сертификат Совесть». Его выдают каждому при переходе во взрослую категорию.

Я чуть было не рассмеялся, но вовремя спохватился: а вдруг неуместный смех относится к критерию «задержать на пятнадцать суток»?

Дом Согласования встретил нас ароматом стерильной бюрократии.

На экране вспыхнуло: «Предъявите идентификатор. Ваше спокойствие – 91%.»

– А что, если у меня 30? – спросил я Нину, показывая на табло.

– Тогда вы проходите на консультацию по восстановлению гармонии, – ответила она.

– И там меня доводят до равновесия?

– До усреднения, – поправила она.

– То есть, до комы, – сказал я.

Терминал тут же отреагировал: «Сарказм не рекомендован.»

Мне вдруг стало интересно, какой у них тут штраф за иронию. Один эх? Или тридцать суток общественных работ – «садить смиренные кусты»?

– Спасибо, уже в курсе, – буркнул я в ответ.

Запрос приняли. Через десять минут выдали пластиковую карточку с отметкой «временный допуск» и мы прошли в архив. Огромный зал – как библиотека из света: плоские большие экраны, тонкие, как листы бумаги. На каждом – таблицы, параметры, графики.

Я спросил Антона, почему многие из тех экранов и мониторов, что я видел до этого, были «ламповыми», старого типа – кинескопами, а здесь – огромные, плоские, как жидкокристаллические «там», вовне.

Ответ я предвидел.

– Новые разработки внедряются сначала в учреждения контроля, и только потом идут в быт. Это же очевидно: сначала – общество, – сказал Антон с удивлением.

– Ожидаемо, – с сарказмом ответил я.

– Но не только в этом причина, – смущённо добавил он, как бы пытаясь оправдаться. – Ещё и объёмы производства. Заводы стараются внедрять все новшества, но не всегда это происходит быстро. Ресурсы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.